

ПРОКУРАТУРА СОЮЗА ССР
Всесоюзный научно-исследовательский институт
криминалистики

Рассыпается по списку

Экз. № 4217

СЛЕДСТВЕННАЯ ПРАКТИКА

МЕТОДИЧЕСКОЕ ПОСОБИЕ

ВЫПУСК

12

Государственное издательство
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1952

Ответственный редактор
настоящего выпуска «Следственной практики»
канд. юридических наук
Г. Б. Карапович

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ХИЩЕНИЙ В ТОРГОВОЙ СЕТИ

Успешное выполнение и перевыполнение послевоенного плана восстановления и развития народного хозяйства еще более повысило благосостояние советского народа. Неуклонный рост национального дохода, принадлежащего в Советском Союзе трудящимся, позволяет все более улучшать материальное благосостояние населения и удовлетворять его культурные потребности.

В результате осуществленного с 1 апреля 1952 г. нового, пятого по счету, снижения розничных цен на продукты питания, товарооборот в советской государственной и кооперативной торговой системе еще больше возрос. В 1951 году продажа товаров через государственную и кооперативную розничную торговую сеть увеличилась против 1950 года на 15 процентов. В 1952 году происходит дальнейшее увеличение товарооборота.

В свете всего этого еще более актуальной становится задача всех государственных и общественных организаций по борьбе со всякого рода потерями, происходящими в торговой сети, и в первую очередь с хищениями государственного и общественного имущества. В решении этой задачи немалую роль должны сыграть прокурорско-следственные органы и суд. Они должны добиться такого положения, чтобы ни один расхититель, пробравшийся в среду торговых работников, не остался неразоблаченным и ненаказанным, как бы он ни пытался замаскировать свою преступную деятельность.

Одновременно следует обеспечить, чтобы ни одна кража из торговых баз, складов и торговых точек, прописавшая в результате неудовлетворительности охраны, не осталась нераскрытой.

Хищения в торгующих организациях совершаются самыми разнообразными, нередко ухищренными и тщательно замаскированными способами.

В торговой системе могут иметь место всякого рода кражи, совершаемые посторонними лицами путем взлома запоров, пролома потолков и стен складов, магазинов и т. д., подкопов и т. п., растраты, совершаемые как материально ответственными лицами, так и другими работниками торгующих организаций, и т. д.

Образующаяся в результате хищений недостача материальных ценностей не всегда становится явной. В некоторых случаях она может быть более или менее искусно замаскирована путем подлогов в отчетности. Иногда расхищение материальных ценностей скрывается путем обмеривания и обвещивания потребителя или обмана его, например, путем продажи товаров низшего сорта по цене товаров высшего сорта.

Наиболее опасными являются хищения, совершаемые группой преступников. Члены такой преступной шайки, обычно находясь в различных торговых точках и других звенях торговой системы, действуют организованно, используя особенности деятельности каждого звена. Нередко члены преступных шаек в своих преступных целях проникают в счетно-бухгалтерский аппарат торгующих организаций.

Одним из способов сокрытия хищения, совершенного материально ответственным лицом, является инсценировка кражи, якобы совершенной из склада магазина или ларька посторонними лицами. Симуляция кражи обычно сопровождается взломом потолка, дверных запоров и т. п., а иногда и инсценировкой ограбления.

Разнообразие способов хищения, применяемых преступниками, требует от следователя проявления большой инициативы и настойчивости при расследовании подобных преступлений. Методика расследования хищений в торгующих организациях содержит специфические особенности, которые следователь должен хорошо знать, так как без этого полное раскрытие преступления может оказаться затруднительным.

Одна из серьезных ошибок, допускаемых недостаточно опытными следователями при расследовании хищений в торгующих организациях, состоит в том, что, уличив в совершении преступления одного — двух расхитителей,

они не выявляют их сообщников, а иногда и организаторов хищения, прорвавшихся в вышестоящие звенья данной торгующей организации. Следователь должен всегда иметь в виду, что у преступников могут быть соучастники в торгующих организациях, являющихся поставщиками или покупателями той организации, где обнаружено хищение.

Другой ошибкой, встречающейся в практике отдельных следователей, является стремление объединить в одном следственном производстве различные эпизоды, не имеющие тесной связи между собой. Единственным основанием, по которому иногда объединяются такие производства, является то, что одно и то же лицо принимает участие в преступлениях, совершаемых разными группами. Такое противоречашее советскому процессуальному закону объединение следственных производств в одно дело не только не может принести пользы, но может причинить прямой вред, так как следственное дело становится чрезмерно обширным, загромождается совершенно различными, не имеющими тесной связи эпизодами, с большим количеством обвиняемых. В результате этого ряд существенных обстоятельств оказывается недостаточно исследованным, противоречия не устранеными, а роль каждого из обвиняемых не выявленной. Такие дела часто возвращаются судом на доследование, что еще больше увеличивает и без того затянувшиеся сроки предварительного следствия и ухудшает его качество.

Несмотря на большое разнообразие способов совершения хищений в торгующих организациях, все хищения можно разделить на две основные группы, а именно: хищения, совершаемые преступниками, не имеющими отношения к организации, откуда совершено хищение (чаще всего кража со взломом), и хищения, совершаемые преступниками, прорвавшимися в среду работников торговой организации, в том числе материально ответственными лицами.

Методики расследования этих двух групп хищений, особенно в начальной стадии, существенно различаются между собой.

При расследовании краж со взломом, как правило, необходимо начинать следствие с осмотра места происшествия. Осмотр должен быть произведен немедленно

по получении извещения о краже. Чем скорее произведен осмотр, тем ценнее для следствия его результаты, при условии, что осмотр производится детально и с применением соответствующих технических средств. Наряду с розыском преступников, следователь должен принять меры к обнаружению и изъятию похищенного. С этой целью необходимо уточнить, что похищено и на какую сумму. Однако нельзя допускать проведения инвентаризации в торговой точке, где совершена кража, до производства следственного осмотра, изъятия обнаруженных вещественных доказательств и закрепления имеющихся на месте преступления следов, оставленных преступниками.

Совершенно по другому плану должно начинаться следствие по делам о хищениях, относящихся ко второй группе. В этих случаях дело возбуждается чаще всего по материалам ревизии, выявившей недостачу материальных ценностей на базе, в складе или в магазине. В таких случаях следователь располагает данными о недостаче, а не о хищении. Поэтому он должен прежде всего установить, что недостача явилась результатом хищения. Лишь когда ревизией выявлены явные подлоги в документах, направленные на скрытие недостачи, следователь может на основании данных самой ревизии сделать вывод о наличии хищений. Бывают случаи, когда ревизия не выявляет данных, свидетельствующих о хищении, но следователь располагает другими данными о том, что хищения в данной торговой организации все же имели место. Тогда задачей следователя является установление прежде всего способа маскировки произведенного хищения.

Расследование по делам, возбужденным на основе акта ревизии, выявившей недостачу, обычно начинается с изъятия всех необходимых документов, подлежащих исследованию в стадии расследования, допроса материально ответственного лица и, в случаях необходимости,— допроса ревизоров. Если акт ревизии не содержит данных, необходимых для полного и всестороннего про- ведения расследования, или страдает иными существенными недостатками, следователь должен поставить вопрос о проведении дополнительной ревизии, но ни в коем случае не подменять ее назначением судебно-бухгалтерской экспертизы. Последняя необходима лишь в тех слу-

чаях, когда правильность выводов ревизии вызывает сомнение у следователя или когда они оспариваются обвиняемыми.

Однако далеко не всегда следствие может вестись только в указанных направлениях. Когда дело возбуждается в связи с сообщением о краже со взломом помещения, где хранились материальные ценности, а у следователя при осмотре места происшествия возникает обоснованная версия о симуляции кражи в целях скрытия совершенной растраты, то применяется комбинированный метод расследования, т. е. сочетаются методы, применяемые при расследовании краж и других видов хищений в торгующих организациях.

Как бы ни был уверен следователь в правильности версии о симуляции кражи, он не вправе прекратить расследование версии о краже до тех пор, пока эта версия не будет полностью исключена собранными доказательствами. Увлечение одной версией о симуляции кражи, даже если она является по существу правильной, и поверхностное отношение к расследованию версии о краже, если она даже мало вероятна, может привести к тому, что недостаточно исследованная и отвергнутая следователем версия вновь возникнет на более поздних стадиях процесса. В таких случаях дело обычно возвращается на доследование, а проверить обоснованность версии о краже по прошествии более или менее длительного срока становится уже затруднительно.

В настоящем выпуске «Следственной практики» помещен ряд статей практических работников следствия, в которых они показывают, каким способом им удалось раскрыть преступления, совершенные в торговых организациях, и изобличить преступников, несмотря на то, что некоторые из них довольно тщательно маскировали свою преступную деятельность. Эти статьи, помещаемые в целях обмена следственным опытом, могут оказаться полезными следователям, которым придется в дальнейшем производить расследование по аналогичным делам.

Значительный интерес представляет статья старшего следователя прокуратуры Восточно-Сибирского бассейна С. М. Файнберга «Значение выявления способов хищений, совершенных шайкой преступников». В своей статье Файнберг показал, как ему удалось раскрыть преступную деятельность шайки, члены которой пробрались

на различные должности в разные организации и действовали сообща, используя особенности каждой торговой организации. В результате умелого ведения следствия, помимо преступлений, совершенных сплоченной группой преступников, были выявлены преступления еще ряда лиц, имевших косвенное отношение к основной шайке. Последние также были осуждены по двум другим делам, расследование по которым велось одновременно с предварительным следствием о преступлениях основной группы.

Правильное построение различных возможных версий всегда помогает следователю полно и всесторонне провести расследование по делу. Значение умелого построения версий показано в статье народного следователя прокуратуры Хвалынского района Саратовской области А. А. Калинина «Изучение причин недостачи обеспечило раскрытие хищений» и в статье народного следователя прокуратуры Песчанокопского района Ростовской области А. И. Евтушенко «Необходимость тщательного исследования всех версий хищений».

Тов. Калинин, проверяя выдвинутые им версии о причинах недостачи соли на базе райпотребсоюза, установил, что похищалась не соль, а другие товары, как то: вино и водка. Соль же отпускалась торговым точкам без документов вместо указанных в документах вина и водки. В связи с тем, что в торговых точках ведется суммарный учет товаров, излишки соли в магазинах покрывали недостачу вина и водки в тех же магазинах, а на базе недостача вина и водки не обнаруживалась, так как они значились отправленными в торговую сеть вместо фактически отправленной соли.

Тов. Евтушенко встретился с обстоятельствами, которые давали основания для построения совершенно различных версий. Выдвинув и тщательно проверив эти версии, тов. Евтушенко успешно раскрыл преступление и разоблачил виновных.

О значении осмотра места происшествия и транспортных средств подробно говорится в статье бывшего старшего следователя прокуратуры Крымской области, ныне следователя по важнейшим делам Прокуратуры СССР Д. Г. Погребного «Исследование следов покрышек автомашины способствовало раскрытию хищений». Тщательный осмотр места происшествия помог тов. Погребному

выявить в том месте, где проходила автомашина, незначительные факты (например, сломанную ветку дерева), которые в дальнейшем явились вескими доказательствами. К сожалению, технические средства при расследовании описанного преступления были применены недостаточно.

В целях совершения или скрытия хищений преступники часто прибегают к составлению различных фиктивных документов — накладных, фактур, авизо и т. п. Иногда подлоги совершаются лишь в одном экземпляре документов, составляемых в нескольких экземплярах. В связи с этим выявить преступные комбинации, совершаемые таким способом, можно путем тщательного сопоставления всех экземпляров определенных документов с одновременной проверкой отчетов материально ответственных лиц. При этом часто встречается необходимость в проведении глубокой документальной ревизии, которая в ряде случаев должна проводиться одновременно в нескольких связанных между собою торговых организациях для того, чтобы можно было сверить все экземпляры определенных документов и книги бухгалтерского учета этих организаций.

О методах раскрытия маскируемых таким способом хищений рассказывает в своей статье «Расследование хищений, скрытых фиктивными авизо» народный следователь прокуратуры Ленинградского района г. Москвы Е. Л. Кальманович.

Проведенная по требованию прокуратуры документальная ревизия помогла следователю выявить преступные комбинации, и акт ревизии в совокупности с другими собранными доказательствами полностью изобличил преступников.

Однако ревизия лишь тогда может обеспечить получение всех необходимых данных, если следователь, ведущий следствие, не будет находиться в стороне от работы ревизоров. Только активное участие следователя в работе ревизоров, своевременная постановка перед ними вопросов, выполнение которых необходимо для расследования, может обеспечить успех. Тов. Кальманович не самоустранился от ревизионной работы. Он лично выезжал с ревизорами на базу, ставил перед ними дополнительные вопросы, предложил сделать встречную сверку документов равнинногорга, магазинов и базы. В результате всего

этого преступники, изобличенные материалами ревизии, должны были признать факты совершения преступлений и дать соответствующие показания. Естественно, что эти показания сознавшихся в совершении преступлений расхитителей социалистической собственности не могли быть приняты в качестве достаточных доказательств их вины без дополнительной проверки и закрепления их другими доказательствами, что и было сделано тов. Кальмановичем.

Успешно законченное предварительное следствие дало возможность, помимо наказания преступников, поставить перед управлением продовольственными магазинами г. Москвы вопрос об устранении в ревизионной работе нарушений законности, способствовавших совершению хищений.

Симуляция кражи материальных ценностей в целях сокрытия хищений и растрат, совершаемых преступниками, пробравшимися в среду работников торговых точек, встречается довольно часто. Как уже указывалось, следователь в таких случаях должен не игнорировать версию о краже, а доказать ее несостоятельность, чтобы версия о хищении или растрате, произведенной преступником из числа работников торговой точки, оставалась единственной версией, соответствующей действительности.

В этом отношении большой интерес представляет статья старшего следователя прокуратуры г. Таганрога И. И. Ковтуна «Как была раскрыта симуляция кражи». В этой статье показано значение следственного эксперимента для проверки отдельных обстоятельств дела. Путем правильно организованного следственного эксперимента тов. Ковтун доказал, что в ларек, из которого якобы была совершена кража, ни при каких обстоятельствах нельзя было поместить товаров на 82 тыс. руб. Значит, «украденных» товаров фактически в ларьке не было, и похищены они были не в вечер инсценировки кражи, а значительно раньше. Установление этого обстоятельства позволило выявить не только непосредственных организаторов и исполнителей хищения, но и их попустителей, которые своевременно не обнаружили систематически совершаемых хищений.

Иногда преступники симулируют не только кражу, но и ограбление. О таком случае рассказывает в своей статье «Своевременно произведенные обыски помогли

раскрыть преступление» прокурор Тапасского района Эстонской ССР Р. В. Эльяс.

Тов. Эльяс поступила совершенно правильно, приступив к одновременной проверке двух версий, т. е. о вооруженном ограблении магазина и о симуляции ограбления, совершенной женой заведующего этим магазином. Тов. Эльяс решила начать расследование по этому делу с производства тщательных обысков в магазине, подобных помещениях магазина и в квартире заведующего, так как следственный осмотр, проведенный еще до ее приезда работниками милиции, а также допрос отдельных свидетелей ничего подтверждающего или исключающего как версию об ограблении, так и версию о симуляции ограбления — не давали.

Обыски были произведены и дали положительные результаты. Однако следует отметить некоторую непоследовательность и поверхностность в проведении обыска. Как видно из статьи, обыск в помещении магазина произведен был недостаточно тщательно. Такой вывод можно сделать из того, что топка печи, где имелась зола, в которую легко можно было спрятать мелкие предметы, осмотрена была поверхностью. Только после того, как в сарае был обнаружен сверток с деньгами, тов. Эльяс решила еще раз осмотреть печь в магазине, где и были обнаружены ключи, которые, по утверждению жены заведующего магазином, грабители унесли с собой. Естественно, что если бы сверток с деньгами в сарае обнаружен не был, не были бы обнаружены и ключи от магазина, явившиеся одним из основных доказательств, уличивших жену заведующего в симуляции ограбления.

Если в составе преступной шайки имеются счетные работники, то преступники обычно используют бухгалтерский учет для сокрытия хищений. С этой целью совершаются фиктивные бухгалтерские проводки, составляются подложные документы, делаются незаконные перечисления денежных средств и т. д. Поэтому подробное изучение документов бухгалтерского учета в тех случаях, когда есть основание предполагать, что преступники использовали бухгалтерский учет для завуалирования своих преступных операций, является безусловно необходимым.

Об одном из таких случаев пишет в своей статье «Тщательное изучение бухгалтерских документов помогло

вскрыть завуалированные хищении» следователь по важнейшим делам прокуратуры Литовской ССР П. А. Будрис.

Тов. Будрис принял совершенно правильное решение о проверке всех бухгалтерских документов, имеющих отношение к расследуемым злоупотреблениям в райпотребсоюзе. Правильно было решение о тщательной сверке взаимных расчетов ресторана с посторонними организациями. Тщательное сравнительное изучение документов привело к вскрытию нескольких преступных операций. Однако тов. Будрис допустил существенные нарушения процессуальных норм. Вместо того, чтобы произвести осмотр документов, как этого требует Уголовно-процессуальный кодекс, в присутствии понятых, а также представителя дирекции предприятия, тов. Будрис стал знакомиться с документами, закрывшись в отдельной комнате, в которой и пробыл целый день. Подобное игнорирование норм Уголовно-процессуального кодекса могло вызвать серьезные затруднения в процессе дальнейшего рассмотрения дела. Выполнение требований Уголовно-процессуального кодекса должно быть обязательным для следователя при всех обстоятельствах, и никакие исключения в таких случаях недопустимы.

Характерные способы совершения хищений и методы их раскрытия описывает в статье «Сличение разных экземпляров одних и тех же бухгалтерских документов как один из способов раскрытия хищений» прокурор Усинского района Красноярского края А. Я. Недосекин. Автор статьи показывает, как иногда преступники подменяют документы, содержащие фактические данные о наличии материальных ценностей, другими, в которых эти данные умышленно искажаются. При недостаточном контроле со стороны вышестоящей организации и при небрежном отношении к своим обязанностям лиц, производящих периодические инвентаризации торговых точек, преступники могут более или менее длительный период оставаться неразоблаченными.

Выше уже отмечалась недопустимость сужения рамок следствия, ведущая к тому, что не все соучастники преступления разоблачаются и привлекаются к уголовной ответственности.

Интересные факты в этом отношении сообщает в статье «Важность выявления всех соучастников преступления» старший следователь прокуратуры Каспийского

бассейна А. А. Агавелян. Дело, которое он описывает в своей статье, несколько раз возвращалось на доследование. Суд, возвращая дело на доследование, давал прямые указания о проверке определенных обстоятельств. Однако поверхностное отношение к совершенно правильным указаниям суда приводило к тому, что следствие вновь заканчивалось без выяснения всех существенных обстоятельств дела. Только после того, как дело было передано тов. Агавеляну, рамки предварительного следствия были расширены и в качестве обвиняемых были привлечены все расхитители. В первый раз дело было направлено в суд в отношении четырех обвиняемых, во второй раз число обвиняемых возросло до шести, а когда дело поступило в суд в третий раз, то суду было предано уже одиннадцать расхитителей, причем все они были осуждены.

Статья тов. Агавеляна совершенно правильно отмечает недопустимость сужения рамок следствия и оставления части преступлений нераскрытыми.

О недопустимости сужения рамок предварительного следствия пишут в своих статьях и другие авторы. Так, народный следователь Рижского района Рязанской области Ф. А. Берестовский в статье «Расследование хищений в системе сельпо» показывает, как, не замыкаясь в рамки одного эпизода, следователь может раскрыть целую систему хищений, участниками которых является большая группа лиц.

Необходимо, однако, предостеречь от совершения выше отмеченной ошибки, заключающейся в неосновательном объединении в одном производстве различных эпизодов, не имеющих между собой непосредственной связи.

В некоторых случаях доказать хищение бывает довольно трудно лишь потому, что не известен способ сбыта похищенного. Если способ сбыта установлен, то, наоборот, доказать хищение можно без особых затруднений. В этом отношении представляет интерес статья начальника следственного отдела прокуратуры БССР И. Н. Зыкова «Установление способа сбыта похищенного — важная задача следователя». Тов. Зыков показывает в своей статье способ сбыта похищенных табачных изделий через сеть продавцов-лоточников, которые не являлись участниками группы расхитителей и не зна-

ли о том, что они продают похищенные табачные изделия. Доказав, что стоимость изделий, продаваемых лоточниками, больше, чем сумма всего торгового оборота магазина, от которого лоточники получали товары, следствие доказало тем самым, что магазин торговал похищенными табачными изделиями. Таким путем были разоблачены все члены преступной шайки.

О довольно своеобразном способе хищения и о методе его раскрытия пишет в своей статье старший следователь прокуратуры Краснопресненского района г. Москвы Ю. Б. Пальма «Хищение денег с использованием кассового аппарата». Тов. Пальма проявил должную инициативу при производстве расследования. Особенное значение в данном случае имело проведение следственного эксперимента в присутствии эксперта, так как этим путем было установлено, что наличие кассового аппарата с контрольной лентой не является еще гарантией, что хищения в этом случае невозможны. Поэтому следователь в надлежащих случаях должен проверить, не скрываются ли хищения путем применения различного рода счетных и контрольных аппаратов.

Целый ряд характерных с точки зрения расследования примеров приведен в статье «Работа с документами и вещественными доказательствами при расследовании хищений в торгующих организациях», являющейся обобщением материалов следственного отдела Прокуратуры РСФСР.

* * *

Помещенные в настоящем выпуске «Следственной практики» статьи должны помочь следователям при расследовании по делам о хищениях в торгующих организациях правильно разрешать некоторые возникающие перед ними в процессе следствия вопросы, а также избегать ошибок, которые иногда встречаются еще в следственной практике по подобного рода делам, снижая успешность борьбы с хищениями в торгующих организациях.

Следователь по важнейшим делам
Прокуратуры Литовской ССР
юрист 2-го класса

П. А. БУДРИН

ТЩАТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ БУХГАЛТЕРСКИХ ДОКУМЕНТОВ ПОМОГЛО ВСКРЫТЬ ЗАВУАЛИРОВАННЫЕ ХИЩЕНИЯ

Известно, что при расследовании хищений социалистической собственности, особенно в торговой сети, следователю почти всегда приходится обращаться к документам бухгалтерской отчетности. В торговой сети преступники также нередко маскируют хищения, используя свое знакомство с системой учета и отчетности.

Поэтому нельзя серьезно рассчитывать на успех расследования такого замаскированного хищения, если следователь не знаком с основами бухгалтерского учета, если он не изучит постановку учета и отчетности в той торговой организации, где совершено хищение.

В моей практике был ряд таких дел, при расследовании которых ключом к установлению объективной истины явилось тщательное изучение документов бухгалтерской отчетности. Своим опытом работы с бухгалтерскими документами при расследовании по одному из дел я и хочу поделиться на страницах «Следственной практики».

Однажды по указанию прокурора республики я принял к своему производству дело о нарушении финансовой дисциплины в Таурагском потребсоюзе.

Из допроса свидетелей мне стало известно, что для руководящих работников Таурагского потребсоюза часто устраивались в ресторане бесплатные выпивки, а из кассы ресторана председатель правления потребсоюза Руйскас брал для каких-то коммерческих операций наличные деньги.

Один свидетель показал, что знает о получении Руйскасом денег из ресторана для приобретения автомашины. Правда, этот свидетель на другой же день от своих показаний отказался, заявив, что ничего определенного и конкретного сказать не может, так как он лично ничего не видел, а лишь знает, что шли такие разговоры.

Однако для меня было ясно, что эти указания на злоупотребления следует тщательно проверить и что лучшим способом такой проверки является изучение документов взаимных расчетов правления потребсоюза с рестораном.

Готовясь к работе с бухгалтерскими документами, я внимательно ознакомился с криминалистической литературой, касающейся изучения денежной отчетности при расследовании хищений.

К сожалению, в учебнике криминалистики говорится лишь о том, каким путем нужно искать следы подлога документов, совершенного с помощью подчисток или траффинга цифры и дат, с помощью срисовки подписей и т. д. Однако такие формы подлогов, которые видоизменяют внешний вид документа, стали реже встречаться в следственной практике. Преступники изыскивают более ухищренные способы подлога, прибегая к составлению фиктивных документов, удостоверяющих несуществующие операции.

Поэтому, готовясь к проверке документов ресторана, я решил произвести не только осмотр документов, но и тщательную сверку взаимных расчетов ресторана с посторонними организациями и сопоставление встречных документов. Наметив этот план действий, я предложил бухгалтерии ресторана предъявить мне все документы по взаимным расчетам с различными организациями за два последних года.

Ознакомление с документами оказалось весьма тру-

доемкой работой. Целый день мне пришлось просидеть за этим делом, пока не удалось выявить ряд подозрительных бухгалтерских проводок и операций.

Первое, что обратило на себя внимание, было письмо заведующего торговым отделом исполкома Руйскаса (впоследствии председателя правления потребсоюза) директору ресторана Дикштайтису с просьбой «одолжить» 14 000 руб. на покупку для торгового отдела грузовой автомашины. По распоряжению Дикштайтиса эта сумма была выдана наличными деньгами.

Далее мне удалось установить, что при помощи двух фиктивных бухгалтерских проводок выдача указанных 14 000 руб. Руйскасу была завуалирована, т. е. эти деньги не значились выданными торготделу.

Наконец, я обнаружил еще 10 счетов на общую сумму 10 769 руб., представленных Руйскасом от имени торготдела за использование принадлежащей торготделу грузовой автомашины.

Указанная сумма была по распоряжению Дикштайтиса выдана Руйскасу наличными деньгами.

Выявив эти данные, я тотчас же отправился в торготдел, где установил, что полученные Руйскасом 14 000 руб. и 10 769 руб. торготделом не оприходованы. Это заставило меня еще внимательнее и настойчивее проверить отчетность ресторана.

Изучая документацию, я установил следующий факт. В феврале из склада столовой горюч поступила на склад ресторана водка на сумму 79 100 руб. В марте же со склада ресторана возвращено столовой водки на сумму 79 135 руб. По бухгалтерии ресторана водка была оприходована количественно и суммарно. После возвращения водки она также была списана количественно и суммарно, но разница в сумме 35 руб. была отнесена не на счет горюч, а на счет убытков ресторана. Это обстоятельство и привлекло мое внимание.

Просмотрев инвентаризационные документы в столовой горюч, я убедился, что в указанное время водки на такую сумму там совсем не было. Более того, в бухгалтерии горюч эта операция с водкой вообще не была отражена.

Вернувшись в ресторан, я стал еще внимательнее разбирать эту операцию. Меня интересовал вопрос, зачем нужна была эта бестоварная операция? Неужели

только из-за 35 руб.? Внимательно осматривая документы, относящиеся к данной операции, я заметил, что в ордере водка была приписана после того, как уже была сбалансирована вся сумма поступивших по этой накладной товаров. Передо мной встал вопрос, каким образом из этой бестоварной операции была извлечена материальная выгода. Все стало ясным, когда я вспомнил, что в период проведения этой бестоварной операции происходила переоценка водки. По складу ресторана было оприходовано по фиктивной бестоварной накладной 700 л водки, якобы поступившей из горюч. Фактически же в ресторане имелся только остаток водки в количестве 133 литров. До снижения цен 700 л стоили 79 100 руб., а после снижения цен почти столько же — 79 135 руб.— стоили 833 л. Пользуясь этим, преступники выписали расходную бестоварную накладную на «возвращение» водки на 79 135 руб., погасив тем самым задолженность по счету, выписанному по бестоварной накладной, а 35 руб. списали как выбыток ресторана. В накладной были указаны не 700, а 833 л водки. Таким путем 133 л были похищены. Этим способом бестоварная фиктивная операция, примененная при переоценке товаров, позволила совершить хищение.

Далее я обнаружил, что проводкой № 122 за сентябрь с подотчета председателя правления потребкоопа Глазериса были списаны 43 000 руб. Когда я с целью проверки оснований этого списания ознакомился с папкой документов за сентябрь, то оказалось, что проводка со всеми приложениями вырвана. Это значило, что преступники уже что-то почувствовали. Не желая дать им понять, что мною выявлен ряд преступных фактов, я, не прекращая проверки, потребовал от вышестоящей организации назначения ревизии. Осмотр папки, из которой были вырваны документы, позволил предположить, что это делалось спешно, так как в папке остались вшие клочки от вырванных документов.

Из оставшейся на одном из этих обрывков части текста можно было определить, что это был счет на сумму 43 600 руб., но кому он выписан, установить сразу не представлялось возможным. Только при совсем другой проводке нашлась напечатанная на машинке копия счета, выписанного Рассейнянскому сельпо за разные отпущенные ему товары — также на 43 600 руб.

18

Сопоставив эту копию счета с сохранившимся текстом на обрывках оригинала, я убедился, что это копия вырванного счета. Карточки Рассейнянского сельпо также не оказалось, но по журналу было видно, что данная сумма действительно относится к этому сельпо. Наведенной справкой я установил, что никаких товаров сельпо не получало, а, наоборот, отпустило Таурагскому потребсоюзу 8000 кг сахара для льносдатчиков по 6 р. 75 к. за килограмм на общую сумму (со скидкой) 52 600 руб.

По моему заданию ревизоры проверили поступление сахара и установили, что он был оприходован по 12 руб. за килограмм на общую сумму (с тарой) 96 200 руб. Счет Рассейнянского сельпо при поступлении сахара был кредитован суммой 96 200 руб., а при оплате денег — дебетован суммой 52 600 руб. Таким образом, это сельпо было сделано нереальным кредитором на сумму 43 600 руб. Чтобы закрыть карточку Рассейнянского сельпо, был выписан фиктивный счет последнему на такую же сумму и на основании этого счета была составлена бухгалтерская проводка, которой счет сельпо был дебетован, а кредитован был счет третьей организации, якобы отпустившей сельпо товары за счет потребсоюза. В дальнейшем счет этой организации был дебетован на такую же сумму, а счет Глазериса был кредитован, так как последний будто бы оплатил задолженность подотчетными суммами. Счета перекрывались и хищение было искусно замаскировано.

По данным произведенной ревизии было установлено, что общая сумма хищений в Таурагском потребсоюзе достигла значительной суммы. Таким образом, путем тщательного изучения и анализа бухгалтерских документов мне удалось направить ревизию по правильному пути, и это помогло вскрыть завуалированные способы хищения, совершенного организованной шайкой преступников. Всего было привлечено к уголовной ответственности 22 человека, в том числе все члены правления Таурагского потребсоюза.

Верховным судом Литовской ССР все привлеченные к уголовной ответственности были приговорены к лишению свободы. Материалы в отношении некоторых участников в хищениях работников других организаций были выделены мной в особое производство.

2*

РЕПОЗИТОРИЙ ГУР

Старший следователь прокуратуры
Восточно-Сибирского бассейна
юрист I-го класса
С. М. ФАЙНБЕРГ

ЗНАЧЕНИЕ ВЫЯВЛЕНИЯ СПОСОБОВ ХИЩЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ШАЙКОЙ ПРЕСТУПНИКОВ

Крупные хищения в торговой сети редко совершаются одним лицом. Действует обычно группа преступников, пробравшихся на должности, связанные с материальной ответственностью. Нередко соучастниками их оказываются работники бухгалтерии. Хищения совершаются самыми различными способами и тщательно выулируются всевозможными бухгалтерскими записями, раскрыть фиктивность которых не так-то легко.

Иногда преступники прибегают к довольно своеобразным способам. Например, средства, похищенные путем преступной комбинации, не растрачиваются полностью, а часть их идет на покрытие недостач, явившихся результатом ранее совершенных хищений, для того, чтобы скрыть их от ревизии. При этих условиях от каждого «очередного» хищения у расхитителей остается определенная, более или менее значительная сумма. А так как все это сопровождается рядом подлогов и бухгалтерских комбинаций и запутыванием учета, то выявить все факты хищений и детали их совершения очень часто представляет большие трудности.

Примером сложного группового хищения может служить хищение, расследованное мной по делу Москалевы, Г. Д. и Г. А. Сахаровских и других. Они были привлечены к ответственности по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Сложность и запутанность этого дела характеризуется тем, что при расследовании пришлось допросить около 100 свидетелей, а также выявить и изучить огромное количество письменных документов и других доказательств.

Шайка преступников, оперируя на протяжении двух лет, совершила хищения: в орсах судоверфи и порта, в орсе кирпичного завода, в Слюдянском торге и в Б.-Разводненском сельпо. Кроме того, преступной деятельностью шайки косвенно затрагивалась хозяйственная и торговая работа и ряда других организаций. Способы совершения этой шайкой преступлений и методы их раскрытия могут представить интерес для следователей, а потому я постараюсь кратко изложить их.

Орс судоверфи был должен конторе «Заготзерно» 71 500 руб. Контора «Заготзерно» в течение нескольких лет не принимала мер к взысканию задолженности, а потому указанная сумма за истечением срока исковой давности подлежала списанию со счета кредиторов с соответствующим отражением на счете прибылей и убытков орса судоверфи. Однако главный бухгалтер орса Москалев решил сохранить подлежащую списанию сумму в обезличенном виде, что давало ему возможность уплатить такую же сумму любой организации под видом ликвидации задолженности конторе «Заготзерно». Конечно, эта операция требовала совершения подлога в ряде документов, но это не могло остановить преступника.

В то же самое время заместитель директора Слюдянского торга Сахаровский совместно с заготовителем того же торга Пигаревым решили похитить 59 500 руб., числившихся под отчетом у Пигарева.

Сахаровский и Пигарев привлекли в качестве соучастника Москаleva и осуществили следующую комбинацию: Пигарев составил фиктивные закупочные акты о

приобретении им продуктов у разных граждан, проживающих в различных деревнях в районе озера Байкал, на сумму 59 500 руб. Таким путем Пигаревым были «приобретены» грибы, рыба, масло, мясо и другие продукты. Тот же Пигарев при помощи заготовителя орса судоверфи Шмидта подделал доверенность от имени орса на имя вымышленного лица на право получения последним указанных товаров от Слюдянского торга, как якобы приобретенных орсом у последнего. Были подделаны и расписки в получении товаров.

Однако стоимость товаров, якобы закупленных Пигаревым, выражалась в сумме 59 500 руб. Большой она и не могла быть, так как у Пигарева под отчетом была только эта сумма. От орса же необходимо было получить за якобы приобретенные последним продукты 71 500 руб., т. е. сумму, соответствовавшую задолженности орса конторе «Заготзерно». Тогда Сахаровский, лично переоценив товары, будто бы приобретенные Пигаревым, доводит их стоимость до 71 500 руб. Делается это под предлогом отпуска товаров орсу судоверфи не по их заготовительной, а по продажной цене. Бухгалтерия Слюдянского торга, перед которой Пигарев отчитался вышеуказанными подложными закупочными актами и расписками, выставила орсу счет на сумму 71 500 руб. Главный бухгалтер орса Москалев решил перечислить эту сумму Слюдянскому тorgу, указав в третьем экземпляре платежного поручения банку, остающемуся в орсе, что деньги перечислены не Слюдянскому тorgу, а конторе «Заготзерно» в покрытие задолженности.

Слюдянский тorg при этой комбинации должен был получить 12 000 руб. прибыли, а потому присвоение преступниками 59 500 руб. могло остаться незамеченным. Однако об этой комбинации случайно узнал начальник орса судоверфи. Сличение всех экземпляров платежного поручения банку позволило полностью раскрыть преступление. В результате Г. А. Сахаровский, Москалев и Пигарев были арестованы милицией Слюдянского района.

За несколько дней до этого ко мне от прокурора бассейна поступил материал, пересланный орсом судоверфи, о том, что у заведующего складом Яковleva обнаружена недостача материальных ценностей на сумму

31 100 руб. Вызванный для объяснения Яковлев в прокуратуру не явился, а скрылся. Это дало основание для возбуждения уголовного дела и принятия мер к розыску скрывшегося.

Вскоре в прокуратуру бассейна поступили от прокуратуры Слюдянского района материалы, выделенные из дела Сахаровского и других, которые свидетельствовали о том, что Яковлев участвовал в составлении бестоварных фактур для сокрытия недостач, имевшихся у других лиц. К этому времени Яковлев был арестован в одной из деревень Слюдянского района, а дело по обвинению Сахаровского и других поступило из прокуратуры Слюдянского района в прокуратуру области.

При ознакомлении с материалами дела Сахаровского и других мне стало ясно, что преступление, совершенное в Слюдянском тorgе, имеет отношение к какому-то другому преступлению, которое было совершено раньше в орсе порта судоверфи. Эти предположения подкреплялись тем, что Г. А. Сахаровский и Пигарев до поступления на работу в Слюдянский тorg работали в орсе, первый — в качестве начальника орса порта, впоследствии объединенного с орсом судоверфи, а второй — в качестве директора ресторана. Что же касается Москаleva, то он, работая в орсе судоверфи, принял участие в преступлениях, совершенных в Слюдянском тorgе, за что и был арестован органами милиции вместе с Сахаровским и Пигаревым.

Не считая возможным при таких условиях ограничивать рамки следствия расследованием эпизодов, связанных с деятельностью одного Яковleva, прокуратура бассейна запросила из прокуратуры области законченное к тому времени дело Сахаровского и других для приобщения к делу Яковleva, который, как указано, нами уже был арестован.

Начинать расследование было лучше всего с детального осмотра и изучения всех бухгалтерских документов, оставшихся в беспорядочном состоянии в шкафу арестованного Москаleva.

Этот осмотр, включенный в план предварительного следствия, себя оправдал. В числе прочих документов в шкафу была обнаружена папка, в которой хранились фактуры на передачу бывшим заведующим складом ор-

са порта Ершовым различным торговым предприятиям и лицам, в том числе Яковлеву, разных товаров на общую сумму 27 700 руб., две расписки — начальника ВОХРа и главного бухгалтера порта — в получении взаимообразно 9700 руб. и ведомости о недостаче по складу у Ершова товаров на сумму 39 500 руб. Ведомости были подтверждены подписями Ершова.

В связи с этим в план следствия был включен до-прос ряда лиц, имеющих отношение к обнаруженным документам. Необходимо было установить, что это за фактуры на 27 700 руб. и почему они не получили отражения в бухгалтерском учете. Заведующая одним из магазинов и заведующий пекарней, чьи расписки имелись в фактурах, на допросе показали, что бывший начальник орса порта Г. А. Сахаровский и Москалев различными угрозами принудили их подписать бестоварные фактуры в приеме товаров, которых они фактически не принимали. Впоследствии 18 000 руб. из этой суммы были списаны путем составления еще одной бестоварной фактуры, на этот раз расходной. Эту фактуру заведующая магазином подписала в подтверждение отпуска магазину одного из орсов железной дороги водки, которую она фактически не отпускала. Остальная сумма была списана со счета магазина в результате представления двух упомянутых выше расписок на сумму 9700 руб.

Допросом начальника ВОХРа было установлено, что он взял из денежной наличности орса 4200 руб. на приобретение мотора для орса. Не купив мотора, он деньги возвратил Москалеву, но расписку у него при этом не отобрал. Главный бухгалтер порта показал, что он тоже взял 5500 руб. взаимообразно для неотложных нужд порта. Вернув через несколько дней эту сумму, он также не отобрал расписки у Москаleva. Воспользовавшись этим, последний передал обе расписки заведующей магазином для сдачи их в кассу орса вместо наличных денег, которые она сдавала как выручку.

Экспертиза установила, что часть недостачи, имевшейся у Ершова, была скрыта с помощью бестоварных фактур на отпуск товаров складу, которым заведывал Яковлев. Последний признал, что сознательно принял на себя часть недостачи Ершова. Кроме того, часть недостачи была скрыта Москалевым путем ряда неправиль-

ных бухгалтерских записей, а также незаконных списаний, с ведома Г. А. Сахаровского, убыли веса различных товаров. В частности, дважды была списана убыль веса рыбы, образовавшаяся при ее засолке.

При допросе свидетелей выяснилось, что на складе у Ершова была водка, которую разбавили водой, чтобы скрыть ее хищение. Водка стала непригодной к употреблению. Для того чтобы довести ее до установленной крепости, надо было добавить в нее спирта на сумму 4500 руб., а у Ершова таких денег не было. Тогда Ершова выручил родственник Г. А. Сахаровского — председатель Б.-Разводненского сельпо Г. Д. Сахаровский, давший Ершову под расписку 4500 руб. для приобретения спирта. У меня возникло предположение, что Г. Д. Сахаровский был причастен к каким-то операциям данной группы преступников. Трудно было допустить, что он дал взаймы Ершову 4500 руб. бескорыстно. Но как изобличить Г. Д. Сахаровского в соучастии в преступлении шайки? Пришлоось вернуться к подробному изучению всех материалов, поступивших из областной прокуратуры, так как среди документов, находящихся в следственном производстве, были такие, которые имели отношение к Б.-Разводненскому сельпо.

В числе различных документов в деле находилась фактура на отпуск из Слюдянского торга Пигаревым кладовщику Б.-Разводненского сельпо Красикову рыбы на 11 200 руб. Из материалов дела было видно, что рыба фактически в сельпо не поступала и эти 11 200 руб. считались похищенными Пигаревым. При допросе Пигарева последний показал, что фактуру он действительно подделал совместно с Г. А. Сахаровским, а 11 200 руб. передал последнему. Г. А. Сахаровский на допросе признал факт подделки фактуры, но отрицал получение денег у Пигарева и утверждал, что деньги похитил Пигарев.

Этот эпизод интересовал меня не только с точки зрения того, кто похитил 11 200 руб., т. е. Пигарев или Г. А. Сахаровский; огромное значение для следователя имело то обстоятельство, что на фиктивной фактуре был оттиск печати Б.-Разводненского сельпо. Печать эта всегда находилась у председателя сельпо Г. Д. Сахаровского. Поэтому использование печати сельпо для изготовления фиктивной фактуры являлось серьезной уликой

против Г. Д. Сахаровского. Однако это была лишь косвенная улика, которая вне связи с другими доказательствами не являлась убедительной. Необходимо было выявить другие факты, изобличающие Г. Д. Сахаровского в совершении преступлений.

Я запросил органы милиции, нет ли каких-либо материалов по орсусу судоверфи. Вскоре мне сообщили, что имеется еще одно дело о хищении рыбы, приобретенной сельпо в орсе судоверфи. Ознакомившись с этим делом, я выяснил, что по доверенности Г. Д. Сахаровского изготовитель сельпо Красиков получил из орса 13 бочек рыбы стоимостью в 22 200 руб. с обязательством Сахаровского уплатить стоимость рыбы в определенный срок.

Сельпо деньги за рыбу орсу не уплатило, и Г. Д. Сахаровский утверждал, что рыба в тот же день была возвращена орсусу как негодная к употреблению. В доказательство была представлена расписка начальника орса Винниченко в обратном приеме рыбы. Винниченко отрицал факт возвращения ему рыбы, а также свою подпись на расписке в ее приеме. Было ясно, что рыба похищена, но доказательств виновности Сахаровского Г. Д. опять не имелось, так как отвозил рыбу, по показаниям последнего, Красиков, который после увольнения выехал неизвестно куда. Это дело было присоединено мною к делу, уже имевшемуся в моем производстве, и дальнейшее расследование имело целью выявить, куда же делась исчезнувшая рыба.

Так как 13 бочек рыбы в условиях сельпо не могли не быть замеченными окружающими, я решил допросить всех лиц, так или иначе соприкасавшихся с торговыми операциями сельпо.

Допрос многочисленных свидетелей дал ценные данные. Было установлено, во-первых, что пять бочек рыбы Красиков продал в колхозах района и на базаре по сниженной цене и, во-вторых, что в этой продаже принимал личное участие Г. Д. Сахаровский. Значит, рыба была годной к употреблению и орсу не возвращалась. Однако... в деле был акт о негодности рыбы, подписанный двумя членами ревизионной комиссии сельпо и санитарным врачом.

При допросе члены ревизионной комиссии сельпо показали, что рыбу они лично не видели, но акт о ее негодности подписали потому, что Г. Д. Сахаровский ска-

зал им, что рыбу осматривал санитарный врач, который признал ее непригодной к употреблению. Он сказал им также, что акт будет подписан и санитарным врачом, фамилия которого была уже проставлена в конце акта. Допрошенный санитарный врач района показал, что он рыбку не осматривал, но подписал акт, доверившись имевшимся на акте подписям членов ревизионной комиссии.

Графическая экспертиза установила, что расписка в обратном получении рыбы орсом от сельпо была выполнена самим Г. Д. Сахаровским, причем на расписке был оттиск подлинной печати орса. Путем допроса начальника орса и ряда других свидетелей выяснилось, что начальник орса при отъездах передавал печать главному бухгалтеру Москалеву, который, воспользовавшись этим, и поставил печать на расписке, сфабрикованной Сахаровским. Так удалось установить, что Г. Д. Сахаровский являлся активным участником преступной группы.

Он был заключен под стражу.

Произведенной ревизией Б.-Разводненского сельпо было установлено, что документов о поступлении рыбы в сельпо не имелось и стоимость ее никакой организации не перечислялась. Однако, изучая бухгалтерские записи в орсе судоверфи, я установил, что по бухгалтерским данным числится поступившей от Б.-Разводненского сельпо сумма в 13 300 руб., но самого платежного поручения в орсе не оказалось.

На мой запрос отделение Госбанка сообщило, что 13 300 руб. перечислены орсусу не Б.-Разводненским сельпо, а базой «Главтекстильсбыт». В то же время по бухгалтерским документам орса устанавливалось, что 13 бочек рыбы стоимостью в 22 200 руб. были учтены Москалевым на 8900 руб. и стоимость их доведена была до 13 300 руб. Раскрывалась новая преступная операция, совершенная с участием Москаleva.

Путем тщательного исследования всех эпизодов и детального изучения документов мне удалось установить, что Москалев сделал ряд перечислений, сопровождавшихся подлогами в платежных поручениях банку, что дало ему возможность совершить совместно с Г. Д. Сахаровским хищение рыбы стоимостью в 22 200 руб.

Оказалось, что когда еще Москалев работал старшим бухгалтером орса Лисихинского кирпичного завода и лишь собирался переходить в орс порта, он перевел

орсу 13 300 руб. Тот экземпляр платежного поручения о переводе этой суммы орсу порта, который оставался в орсе кирпичного завода, Москалев уничтожил, а вместо него составил такое же платежное поручение о переводе такой же суммы ликеро-водочному заводу за полученные от него товары. В действительности же орс кирпичного завода никакой задолженности ликеро-водочному заводу не имел, и она была создана Москалевым путем учреждения фиктивных записей. То, что перечисление сделано орсом порта, а не ликеро-водочному заводу, было установлено изъятием из отделения Госбанка одного экземпляра платежного поручения, подписанного Москалевым.

Перейдя на работу в орс порта, Москалев перевел базе «Главтекстильсбыт» 13 300 руб. в уплату за полученные орсом от базы товары. Так как эта сумма была уже раньше перечислена базе и орс задолженности базе не имел и, следовательно, перечисление было сделано вторично, Москалев тот же день выставил базе «Главтекстильсбыт» встречный счет на обратное получение якобы ошибочно перечисленной суммы. Вторичное перечисление базе 13 300 руб. Москалев в учете не отразил, а показал эту сумму как возвращенную орсу кирпичного завода. Таким образом карточка расчетов с орсом кирпичного завода была закрыта.

Когда база «Главтекстильсбыт» перечислила орсу излишне полученные 13 300 руб., Москалев показал их как полученные от Б.-Разводненского сельпо в уплату за отпущенную рыбу. Благодаря этой комбинации с использованием банковских операций преступники присвоили 13 бочек рыбы стоимостью в 22 200 руб., которую они предварительно переоценили в 13 300 руб.

Кропотливое последовательное изучение документов бухгалтерского учета, относящихся к каждому эпизоду, и сличение их с платежными поручениями в сочетании с допросами многочисленных свидетелей и заключением эксперта дало возможность раскрыть все преступления, совершенные преступной группой.

Всего преступники расхитили государственных и общественных средств на сумму свыше 200 тыс. руб.

Все обвиняемые были приговорены линейным судом Восточно-Сибирского бассейна к лишению свободы на различные сроки.

Сложные способы хищений и их скрытия, приме-

ниавшиеся преступниками, были раскрыты путем использования приведенных мною приемов, которые слагались из:

1) детального изучения бухгалтерских документов, в особенности товарных фактур и актов о негодности товаров, с целью проверки действительности тех коммерческих операций, которые в них отражались (одновременно тщательно проверялись все приходо-расходные документы, не отраженные в бухгалтерском учете);

2) своевременного тщательного изучения документов по перечислению денежных средств и сличению всех экземпляров платежных поручений;

3) выявления характерных для данного преступника способов совершения преступлений и направления следствия по пути раскрытия преступлений, совершенных аналогичным способом в период его работы в других хозяйственных организациях;

4) детального изучения взаимоотношений между членами преступной шайки, что дало возможность раскрыть преступления, совершенные ими в различных организациях.

Прокурор Усинского района
Красноярского края
юрист 1-го класса
А. Я. НЕДОСЕКИН

СЛИЧЕНИЕ РАЗНЫХ ЭКЗЕМПЛЯРОВ ОДНИХ И ТЕХ ЖЕ БУХГАЛТЕРСКИХ ДОКУМЕНТОВ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ РАСКРЫТИЯ ХИЩЕНИЙ

В декабре 1950 года в прокуратуру Усинского района на Красноярского края поступили ревизионные материалы о недостаче в магазине райпотребсоюза № 3 товаров на 8230 руб. Согласно данным ревизии, эта недостача, выявленная по состоянию на 25 ноября 1950 г., образовалась после последней инвентаризации, произведенной 10 октября 1950 г. Торговый оборот за все это время составлял 15 000 руб.

Заведующая магазином Охотникова, соглашаясь с выводом ревизии о наличии недостачи, отрицала в своих объяснениях, данных ревизорам, присвоение недостающей суммы. В то же время она не могла указать никаких причин образования недостачи.

Как известно, один факт недостачи у материально ответственного лица не означает еще, что им совершено хищение. Этот факт свидетельствует лишь об отсутствии материальных ценностей, числящихся по учету в наличии. Причины же недостачи ценностей у должностного

лица, которому они были вверены, могут быть самыми разнообразными. Вот почему, приняв дело к своему производству, я считал, что одной из основных задач расследования по данному делу является установление причины образования недостачи.

Приступая к анализу материалов ревизии, я имел в виду ряд версий о причине недостачи: хищение, ошибка в отчетности, пропажа какого-либо оправдательного документа, просчет и т. д.

Охотникова работала в магазине с октября 1949 года. Инвентаризация по ее магазину проводились почти ежемесячно. При этом выявлялись только мелкие недостачи, которые Охотникова всегда своевременно погашала. И только за сравнительно небольшой период с 10 октября по 25 ноября 1950 г. у Охотниковой была обнаружена крупная недостача на сумму 8230 руб., составившую больше половины всего торгового оборота магазина за тот же период. Однако, проверяя материалы ревизии, я убедился, что ошибки в отчетности исключаются. Оставалось предположить, что за октябрь — ноябрь либо из магазина совершенено хищение посторонними лицами, либо хищение совершено самой Охотниковой. В последнем случае вероятнее всего было предположить, что она систематически занималась хищениями, но до последнего времени успешно маскировала их, че-го не смогла сделать по каким-то причинам ко дню последней ревизии.

В соответствии с этими версиями я и построил план всего дальнейшего следствия.

Вызванные на допрос работники бухгалтерии райпо, сторож магазина и другие лица показали, что о кражах в магазине Охотникова никогда не заявляла и об этом никому не рассказывала. Но прежде чем отбросить версию о хищениях, совершенных посторонними лицами, я вызвал Охотникову и подробно допросил ее о причинах недостачи и о всех тех предположениях, которые она может сделать по этому вопросу.

Охотникова в своих объяснениях высказала предположение, что хищение совершил директор подсобного хозяйства Цыпленков, который был с ней в неприязненных отношениях и уволил ее из подсобного хозяйства, где она работала раньше кассиром. По словам Охотниковой, Цыпленков легко мог подобрать ключ к стандарт-

ному замку магазина. Однако Охотникова заявила, что никаких недостач товаров в магазине она никогда не замечала.

Объяснения Охотниковой следовало проверить. В этих целях на допрос были вызваны Цыпленков и работники подсобного хозяйства — Суркова и кассир Кучерова, принятая на работу в подсобное хозяйство на место Охотниковой. Свидетели показали, что при проверке кассы подсобного хозяйства на 1 августа 1949 г. у Охотниковой была обнаружена недостача денег на сумму 829 руб. По приказу Цыпленкова Охотникова была уволена с работы после погашения этой недостачи.

Из бухгалтерии подсобного хозяйства мною были изъяты копии приказа об увольнении Охотниковой и справки о внесении ею денег в погашение недостачи.

Проверяя параллельно вторую версию о совершении хищения самой Охотниковой, я прежде всего решил установить, действительно ли при ежемесячных инвентаризациях в магазине Охотниковой обнаруживались лишь мелкие недостачи, а недостача в 8230 руб. образовалась только за октябрь — ноябрь 1950 г.

Вызывая на допросы работников бухгалтерии и членов лавочной комиссии, я подробно выяснял, как они проводили инвентаризации в магазине Охотниковой.

Из допроса плановика Усинского райпо Башкановой, которая проводила инвентаризацию в магазине Охотниковой 31 мая 1950 г., выяснилось, что после снятия остатков Башканова в присутствии Охотниковой составила ведомость фактических остатков товаров. Такую же ведомость составила и Охотникова. Башканова в своем экземпляре проставила только количество товаров и цену их, а таксировку — вычисление стоимости всего оставшегося товара — не сделала, так как торопилась проконвоевать инвентаризацию в другом магазине.

В таком незаконченном виде Башканова подписала ведомость и передала ее Охотниковой для доставки в райпо. На следующий день Охотникова заявила Башкановой, что при снятии остатков они не учли 100 кг меда, который якобы хранится на складе. Башканова позвонила заведующей складом Байкаловой и спросила, хранятся ли у нее мед магазина № 3. Байкалова подтвердила, что мед хранится, но количество меда не назвала. Удов-

летворившись этим ответом, Башканова дополнительно включила в ведомость 100 кг меда.

Вызванная на допрос заведующая складом Байкалова показала, что мед в количестве 100 кг никогда в магазин Охотниковой не отпускался. Самые крупные партии меда не превышали 20 кг. А в мае на складе находилось всего лишь 12 кг меда, оприходованного магазином № 3.

Инвентаризацию по состоянию на 1 июля 1950 г. проводила член лавочной комиссии Кучерова. На допросе она показала, что членом лавочной комиссии работала тогда первый год, никто ей не разъяснял ее обязанностей и при проведении инвентаризации она делала то, что ей говорила сама заведующая магазином.

Когда проходила инвентаризация в магазине № 3, она проставила в ведомости только количество каждого товара и его цену. Подсчеты же общей стоимости товаров она не делала и общего итога не выводила. В таком виде она подписала инвентаризационную ведомость и передала ее Охотниковой.

Эти важные обстоятельства до некоторой степени подтверждали версию о том, что хищение совершило самой Охотниковой, и давали направление дальнейшему расследованию.

Устанавливалось, что экземпляры ведомостей, без выведенного итога, подписанные ревизором, попадали в руки Охотниковой. Пользуясь этим, она могла сама подсчитать стоимость каждого товара, вывести итог и первую узнать, есть ли у нее недостача и в каком размере. Если оказывалась недостача, Охотникова могла ее скрыть, так как ревизор об этой недостаче не знал. Скрыть же недостачу Охотникова могла, либо увеличив количественные показатели по некоторым товарам, либо изменяв их цену, либо просто проставив в ведомостях неправильный итог.

Изъяв из бухгалтерии райпо ведомости товарных остатков, составленные при проведении инвентаризации в магазине № 3 Башкановой и Кучеровой, я проверил в них правильность проставленных цен и подсчета итоговых сумм. Оказалось, что цены проставлены верные и итоги выведены правильно. Предположение, что Охотникова произвольно завышала цены и итоговые суммы в ведомостях, таким образом отпадало.

Я решил попытаться найти вторые экземпляры этих ведомостей, предполагая, что так как они не посылались в райпо, в них Охотникова могла и не сделать исправлений, скрывающих недостачу.

При обыске в магазине Охотниковой мне удалось обнаружить эти вторые экземпляры инвентаризационных ведомостей. При сравнении их с экземплярами, изъятыми из бухгалтерии райпо, я сразу же обнаружил ряд расхождений. В ведомости, обнаруженной в магазине, значилось, что шелкового полотна в остатке было 18 м, муки 405 кг, водки 35 л, а в ведомости, изъятой из бухгалтерии, значилось в остатке шелкового полотна 28 м, муки 440,5 кг, водки 85 л и т. д. Всего были увеличены показатели по 15 товарам. Таким путем в ведомости, составленной на 1 июня 1950 г., Охотникова за счет увеличения количества товаров увеличила их стоимость на 1298 руб., а в ведомости, составленной на 1 июля 1950 г. — на 4692 руб. и т. д.

Я запросил Усинское райпо о поступлении в магазин № 3 товаров, количество которых завышала Охотникова. В полученной справке говорилось, что никакого дополнительного поступления этих товаров в магазин Охотниковой за май — июль месяцы не было.

Таким образом, были выявлены систематические подлоги, совершенные Охотниковой с целью скрытия хищений. Сопоставление разных экземпляров одних и тех же документов сыграло решающую роль в разоблачении преступления.

Соседи Охотниковой и другие лица, знающие ее, на допросах показали, что Охотникова, с тех пор как она начала работать в магазине, стала жить широко, явно не по заработку.

После недолгого запирательства Охотникова признала, что вносила исправления в ведомости остатков товаров, составленные ревизорами. Охотникова показала, что после каждой инвентаризации она получала нетаксированные ведомости для доставки их в райпо. Пользуясь этим, она исправляла количественные показатели по некоторым видам товаров и таким образом скрывала недостачи. Недостачи у нее образовывались потому, что она систематически брала без оплаты товары, а также и деньги из выручки.

Охотниковой было предъявлено обвинение по статье 4 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Для обеспечения гражданского иска райпо был наложен арест на имущество Охотниковой.

Все следствие по делу продолжалось 19 дней.

Народный суд Усинского района признал Охотникому виновной в хищении общественного имущества и приговорил ее к соответствующему наказанию.

РЕПОЗИТОРИЙ ГУМРФ

Следователь прокуратуры
Ленинградского района г. Москвы
младший юрист

E. L. КАЛЬМАНОВИЧ

РАССЛЕДОВАНИЕ ХИЩЕНИЙ, СОКРЫТЫХ ФИКТИВНЫМИ АВИЗО¹

В январе 1951 года на прием к прокурору Ленинградского района г. Москвы пришел главный бухгалтер райпищеторга и сообщил, что вновь назначенный старший бухгалтер продовольственной базы № 2 Ардабьева при составлении баланса базы за IV квартал 1950 года обнаружила значительное расхождение между данными балансового счета и фактическим наличием товаров на базе.

По требованию прокурора района директор райпищеторга немедленно направил на продовольственную базу ревизора для проведения документальной ревизии.

Перед ревизором была поставлена задача в первую очередь проверить баланс базы за III и IV кварталы 1950 года, а затем взаиморасчеты этой базы с магазинами райпищеторга.

Через два дня из райпищеторга сообщили в прокуратуру, что ревизор обнаружил три накладных об отправ-

¹ Авио — извещение об изменениях в состоянии взаимных расчетов, посылаемое одним контрагентом другому.

ке товара на крупную сумму в магазин № 14 райпищеторга, по которым товар не был там оприходован.

Изъяв эти документы, прокурор вынес постановление о возбуждении уголовного дела и предложил мне приступить к следствию.

В тот же день я допросил бывшего старшего бухгалтера базы № 2 Маликова и агента Матросова, к отчету которого была приложена одна из неоприходованных накладных. Эта накладная была предъявлена в процессе допроса Матросову. Он заявил, что все товары по этой накладной фактически завезены в магазин № 14, но почему они оказались неоприходованными, ему не известно. Маликов также показал, что о злоупотреблениях на базе или в магазине № 14 он ничего не знает и о факте неоприходования накладных магазином ему ничего не известно.

Второй агент базы Бубнов, к отчетам которого также были приложены две накладные на неоприходованный товар, скрылся сразу же после вызова его на допрос.

По указанию прокуратуры администрация райпищеторга телеграммой вызвала находившегося в отпуске на курорте директора магазина № 14 Бондарева. Однако, приехав в Москву, Бондарев не явился в райпищеторг и также скрылся.

Был объявлен местный розыск Бубнова и Бондарева. К этому времени ревизия была закончена.

Оказалось, что три вышеуказанные накладные не значились в аизо за октябрь и ноябрь, направленные в финансовый сектор райпищеторга. Поэтому в бухгалтерии райпищеторга о получении товаров магазином № 14 по этим накладным не знали. Маликов был снова вызван на допрос.

Когда я предъявил ему неоприходованные накладные и изъятые в финансовом секторе аизо, в которых эти накладные не были указаны, он сразу же признал, что он вместе с агентами базы Матросовым и Бубновым похитили товары по этим накладным. Матросов и Бубнов реализовали похищенные товары, а он представил в райпищеторг неправильные сведения и таким образом скрыл эти хищения. Маликов показал, что имел дело только с Матросовым и Бубновым и не знал, через какие магазины они сбывали похищенные продукты.

Матросов, вначале все отрицавший, на очной ставке с Маликовым признал свое участие в хищении продуктов по накладной, приложенной к его отчету. Но указать место реализации этих продуктов он отказался.

Таким образом, в результате первых следственных действий становилось ясным, что в системе Ленинградского райпищеторга действовала организованная группа расхитителей государственной собственности. Было также ясно, что нельзя ограничивать следствие только пределами хищений по трем обнаруженным накладным. Слишком поспешное признание Маликова влекло подозрение, что признание вызвано желанием скрыть более крупное преступление.

Поэтому я прежде всего потребовал назначения дополнительной документальной ревизии по продовольственной базе № 2 за весь период работы Маликова, т. е. за 1948—1950 гг. Ревизорам я предложил сделать встречную проверку документов райпищеторга, магазинов и базы. Вместе с ревизорами я выезжал на базу № 2, в торговые точки и изучал документы.

В процессе этой работы было обнаружено и изъято 92 накладных, по которым товар не был оприходован в магазинах №№ 4, 14 и 34 Ленинградского райпищеторга. Из числа этих накладных 45 были приложены к товарным отчетам Бубнова, а 47 — к товарным отчетам Матросова. Получив все материалы ревизии, я составил подробный план расследования.

По существу каждая неоприходованная накладная представляла отдельный эпизод хищения. Поэтому передо мною стояла задача расследовать все обстоятельства, связанные с хищением товаров по каждой неоприходованной накладной, выявить всех соучастников преступления, способы изъятия похищенного и скрытия хищений.

Учитывая, что Маликов дал ценные показания сразу же после предъявления ему обнаруженных фиктивных авизо, я решил опять допросить его. Это оказалось правильным. На этот раз, будучи изобличен материалами ревизии, установившими его роль в хищениях, Маликов подробно рассказал об обстоятельствах, при которых эти хищения были совершены.

Агенты базы Матросов и Бубнов на основании доверенностей получали по счетам-фактурам продукты от поставщиков и развозили их по магазинам.

По договоренности с директором магазина № 14 Бондаревым, его заместителями Обходовым и Спириным и с заведующим гастрономической секцией магазина № 34 Хаминским Матросов и Бубнов часто завозили к ним в больших количествах дешевые колбасные изделия и свежую рыбу.

Реализация больших количеств колбасных изделий в магазине № 14 облегчалась тем, что у этого магазина

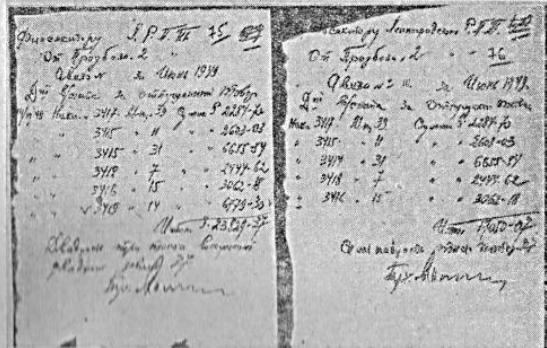

Рис. 1. Слева — авизо за июнь 1949 года, составленное Маликовым. Этот экземпляр авизо, с включенной в него накладной № 3419, оставался в документах базы.

Справа — другой экземпляр авизо за тот же июнь, который был напрямую Маликовым в финсектор райпищеторга. Накладная № 3419 в этот экземпляр авизо не включена.

имелась широкая сеть палаток. В магазине № 34 продажа колбасных изделий также была велика и достигала 300—400 кг в день. Позднее продукты завозились и в магазин № 4, куда Обходов перешел на работу в качестве директора магазина.

Как и полагалось, на эти товары Матросов и Бубнов выписывали накладные в трех экземплярах, где в получении расписывались или Бондарев, или Обходов, или Спирин, а по магазину № 34 — Хаминский. Однако по магазинам эти товары не приходовались.

М.М. 6272
14/п.в.
Накладная № 3419
М-тн 14
Без з/бумаги

Наименование	Количество	Цена	Сумма
Соса русс	165	31	515-50
Сортанка	26	25	650-
Омлетная	27	36	972-
Любят вар.	24	44	1056-
Помскер чк	172	35	602-
Сычигина	42	44	187-80
Семиполот	112	27	302-
<i>две сорта сливочного масла</i>		<i>226,9</i>	<i>7000=</i>
<i>одно</i>		<i>308</i>	<i>1000-</i>
<i>Итого</i>		<i>1150</i>	<i>8088</i>

Приложение к товарному отчету
Бубнова

Рис. 2. Накладная № 3419, приложенная к товарному отчету Бубнова.

Матросов и Бубнов включали накладные в свои товарные отчеты и таким образом полностью отчитывались за все полученные от поставщиков продукты. Сдавая эти отчеты Маликову, они говорили ему, какие именно накладные по магазинам не оприходованы. Составляя авизо, Маликов в первом его экземпляре, который передавался в финансовый райпищеторг, не указывал эти накладные. Таким образом, факт получения товаров магазинами №№ 4, 14 и 34 скрывался, и райпищеторг никаких претензий к этим магазинам не предъявлял.

Во вторые экземпляры авизо, остававшиеся на базе, указанные накладные включались. Поэтому никаких расхождений в бухгалтерии между счетами-фактурами поставщиков, отчетами агентов и авизо не было. Так как при проведении ревизий не делалось встречной сверки документов базы и райпищеторга, хищения не обнаруживались.

При составлении месячных и квартальных отчетов Маликов скрывал произведенные хищения путем составления фиктивных бухгалтерских проводок и завышения товарных остатков по базе. Так, например, в нескольких отчетах было указано в остатке такое количество животного масла, какое фактически не могло уместиться в складских помещениях базы.

Деньги, вырученные от продажи неоприходованных продуктов, делились между всеми участниками хищений.

Получив такие подробные показания Маликова, я вызвал на допрос Обходова, Спирина и Хаминского. Но они категорически отрицали свое участие в хищении, утверждая, что все получаемые товары ими приходовались. По их заявлению, подписи на неоприходованных накладных принадлежат не им, а кем-то подделаны.

Для проверки этого обстоятельства была назначена графическая экспертиза. Мною были тщательно отобраны материалы для этой экспертизы. Кроме исследуемых накладных, я изъял в райпищеторге десятки подлинных накладных, подписанных этими лицами. Были отобраны также и экспериментальные образцы их почерка.

Тщательный отбор материалов для графической экспертизы оправдал себя. В заключении экспертизы в категорической форме указывалось, что на подавляющем большинстве неоприходованных накладных подписи о

приеме товаров выполнены Бондаревым, Спириным, Обходовым и Хаминским.

Следует отметить, что графическая экспертиза не смогла указать, кем выполнены расписки в приеме товаров на неоприходованных накладных по магазину № 4. Все эти накладные относились к тому периоду времени, когда заведующим этим магазином работал переведенный сюда из магазина № 14 Обходов. Маликов в своих показаниях утверждал, что Обходов и в этом магазине продолжал участвовать в хищениях, но Обходов это категорически отрицал.

Изучая документы, изъятые во время обыска у Бубнова, я обнаружил среди них два экземпляра накладной № 2646 от 24 мая 1950 г. на получение магазином № 4 колбасных изделий. Подпись в получении продуктов по этой накладной напоминала подпись Обходова.

Среди приложенных к отчету Бубнова неоптиходовых накладных, исследовавшихся при проведении графической экспертизы, также была накладная от 24 мая № 2646, но подпись на ней была иная. Как сказано выше, графическая экспертиза не смогла установить, кем она выполнена.

Возникло подозрение, что Обходов, желая скрыть свои хищения в магазине № 4 и уничтожить какие бы то ни было доказательства своей причастности к ним, по договоренности с Бубновым расписывался на накладных в приеме товаров от имени вымышленных лиц. Накладную № 2646, на которой Обходов уже расписался, они изъяли и заменили другой с распиской вымышленного лица.

Проверяя этот эпизод, я направил обнаруженные у Бубнова накладные на дополнительную графическую экспертизу. Экспертиза подтвердила, что действительно расписки в приеме товаров на этих двух накладных выполнены Обходовым.

Изобличенный заключением экспертизы и показаниями Маликова, Обходов признал, что и в магазине № 4 он продолжал заниматься хищениями вместе с Бубновым и Маликовым. Факт обнаружения на квартире у Бубнова накладных на завод товаров в магазин № 4 с расписками Обходова, замененными в отчете Бубнова расписками вымышленных лиц, являлся важным доказательством, изобличавшим Бубнова в участии в хищении.

42

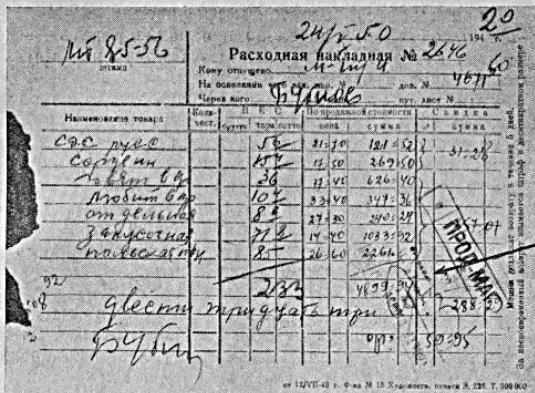

Рис. 3. Сверху — приложенная к товарному отчету Бубнова накладная № 2646 от 24 мая 1950 г., по которой магазин № 4 получил колбасные изделия. Подпись (обозначена стрелой) в приемке выполнена неизвестным кем.

Внизу — другая накладная за тем же № 2646 от того же 24 мая 1950 г., изъятая при обыске у Бубнова. Подпись в приемке товаров, как это установлено экспертизой, сделана Обходовым.

Параллельно с проведением графической экспертизы я решил собрать и тщательно проанализировать все документы, которые подтверждали бы получение магазинами товаров и неоприходование их.

Установив, что колбаса развозилась всегда на одних и тех же двух специализированных машинах автобазы, что во введенных в последнее время транспортных накладных ставится штамп магазина и подпись лица, принявшего товар, я изъял все путевые листы и транспортные накладные, по которым эти две машины развозили продукты в сопровождении Матросова и Бубнова. Очень большая и кропотливая работа по изучению документов строилась следующим образом.

Из всех путевых листов и транспортных накладных выписывались даты заездов этих машин в магазины №№ 4, 14 и 34. По приходным документам этих же магазинов устанавливались даты поступления колбасных изделий в магазин. При сопоставлении тех и других дат было выявлено несколько десятков случаев, когда товар в магазины завозился, но по документам не приходовался. Даты этих завозов колбасы совпадали с датами на накладных, приложенных Матросовым и Бубновым к своим отчетам и не авизированных Маликовым в финансовый сектор райпищеторга.

Вызванные на допрос шоферы этих машин показали, что рейсы в путевых листах указывались всегда правильно. С введением транспортных накладных, когда каждый рейс подтверждался в этой накладной штампом магазина и подписью лица, принявшего товар, какие-либо ошибки вообще исключались.

Таким образом, заключением графической экспертизы, результатом изучения транспортных документов и показаниями Маликова Бондарев, Обходова, Спирина и Хаминского полностью изобличались в хищении.

Теперь нужно было установить, каким образом преступники присваивали деньги, получаемые от реализации неоприходованных товаров. Для допроса были вызваны продавцы магазинов. Следовало выяснить, не было ли случаев, когда выручка сдавалась непосредственно Бондареву, Спирину, Обходову и Хаминскому.

Многие продавцы показали, что они неоднократно сдавали выручку непосредственно Бондареву, Обходову или Спирину, минуя кассу.

В магазинах №№ 4 и 34, как это выяснилось из допросов продавцов и покупателей, по утрам продавались со двора молочные продукты, деньги за которые получали сами продавцы. Вся выручка от этой торговли сдавалась Обходову и Хаминскому.

Что же касается магазина № 14, то было установлено, что в 1949 году в течение полутура месяцев в магазине кассовые аппараты не работали, а потому деньги за проданный товар получали продавцы и вся выручка сдавалась директору магазина.

Таким образом, устанавливалось, что в руках Бондарева, Обходова, Спирина и Хаминского часто собирались крупные суммы наличных денег, которые они имели возможность присваивать.

Маликов, уволившись с базы № 2, работал с августа по ноябрь 1950 года старшим бухгалтером водомороженой базы райпищетора. Я решил проверить, не продолжал ли Маликов свою «деятельность» и на этой базе. Мои подозрения подтвердились. Ревизия выявила две накладные, по которым винно-водочные изделия, отпущенные с этой базы, не были оприходованы Бондаревым по магазину № 14, а Маликовым не авизированы в райпищеторг. Похищенная сумма была скрыта Маликовым путем фиктивных проводок.

Анализом отчетности по магазину № 14 было подтверждено неоприходование магазином вина и водки. Так, при снятии остатков на 10 октября в инвентаризационной ведомости было указано наличие в магазине 20 л водки. Поступлений за период с 10 октября по 26 ноября по документам магазина не было. В то же время при снятии остатков на 26 ноября в наличии оказалось 50 л водки.

Аналогичные данные были выявлены и при анализе документов на поступление в магазин вишневой, настойки. На 10 октября ее в остатке не было. До 26 ноября поступило по документам 20 л, а на 26 ноября этой настойки в остатке имелось 70 л.

К концу предварительного следствия скрывшиеся Бондарев и Бубнов были задержаны в Москве, где, как выяснилось, они проживали по чужим документам.

Таким образом, в результате большой по объему и кропотливой работы, состоявшей в основном из изучения, анализа и сопоставления многочисленных документов

тов, была раскрыта и пресечена преступная деятельность группы расхитителей государственной собственности.

Московский городской суд вынес суровый приговор по данному делу.

О выявленных в результате расследования недостатках в ревизионной работе, в учете и отчетности торговых предприятий было сделано представление в Управление продторгами г. Москвы.

Народный следователь прокуратуры
Хвалынского района
Саратовской области
юрист 2-го класса

А. А. КАЛИНИН

ИЗУЧЕНИЕ ПРИЧИН НЕДОСТАЧИ ОБЕСПЕЧИЛО РАСКРЫТИЕ ХИЩЕНИЯ

На страницах «Следственной практики» я хочу поделиться опытом раскрытия одного из способов хищения в торговой сети.

Однажды мне пришлось вести расследование по крупному делу о злоупотреблениях в заготконторе Хвалынского райпотребсоюза. В процессе следствия я обнаружил в делах бухгалтерии этого райпотребсоюза акт о недостаче соли на базе на 35 719 руб. и решение о списании этой суммы на убытки. Заинтересовавшись этим фактом, я установил, что на протяжении нескольких лет при передаче базы от одного заведующего другому (а их за последние три года сменилось несколько человек) соль не взвешивалась и фактическое наличие ее на базе не проверялось. Только при инвентаризации базы 6 мая 1949 г. остаток соли был перевешен, в результате чего и была выявлена крупная недостача ее.

Вследствие того, что нельзя было установить, у кого из сменившихся за эти годы заведующих базой образовалась недостача соли и в каком количестве, облпотреб-

союз по представлению райпотребсоюза разрешил спишать эту недостачу на убыток.

Решив выяснить причину недостачи этой соли, я выделил материалы, касавшиеся этого вопроса, в отдельное производство и приступил к расследованию.

Первоначально мною были построены две версии:

- 1) недостача соли образовалась в результате бухгалтерской ошибки;
- 2) недостача образовалась ввиду хищения соли одним или несколькими заведующими базой.

Проверяя одновременно обе эти версии, я установил, что последняя инвентаризация на базе производилась опытным ревизором, отчеты по базе составлены верно, документы все оформлены в соответствии с существующими положениями, а вывод ревизии о недостаче соли правilen. Бухгалтерской ошибки не было.

Оставалось другое предположение — соль похищена. Надо было установить, кому совершено это преступление, когда и каким способом.

В процессе ведения следствия мною было установлено, что недостача соли образовалась в период с 1946 по 1949 гг., когда соль на базе не перевешивалась. За этот период сменились четыре заведующих базой.

Необходимо было выяснить, за время работы которого из заведующих базой образовалась недостача. Я потребовал, назначения документальной ревизии и совместно с ревизором проанализировал движение соли по базе за все три года. По документам все операции по движению соли были оформлены правильно. Но мы обратили внимание на то, что в период работы заведующим базой Герасимова (с января по сентябрь 1948 г.) было отправлено в магазины гораздо меньше соли, чем за такой же период в предыдущее и последующее время. Тогда было решено проверить движение соли по магазинам, сопоставляя его с фактическими остатками соли, которые фиксировались в очередных актах инвентаризации. В процессе такой проверки удалось обнаружить следующий факт.

При инвентаризации Черно-Затонского магазина Благодатинского сельпо по состоянию на 16 апреля 1948 г. остаток соли составлял 193 кг, с 16 апреля до 1 июля

1948 г. поступило в магазин, согласно документам, 1200 кг, но в остатке на 1 июля по акту инвентаризации значилось соли — 3956 кг, т. е. на 2,5 т больше, чем ее могло быть с учетом поступления и остатка, если даже предположить, что магазин соли не продавал. Анализируя движение соли в последующий период, я увидел, что остатки ее продолжали увеличиваться, хотя, согласно документам, поступления соли в магазин и не было. На 1 октября 1948 г. в остатке уже оказалось 7732 кг соли.

В связи с этим был допрошен заведующий магазином Рыжов, который показал, что наличие таких больших остатков соли, не соответствующих поступлению ее в магазин по документам, объясняется тем, что бывший заведующий базой Герасимов иногда отпускал ему соль вместо других товаров, выписанных по накладным. Рыжов заявил также, что такие случаи имели место в июле, августе. Возили тогда соль шоферы соседнего санатория Ефремов и Рычков.

Вызванные на допрос Ефремов и Рычков показали, что они действительно в июле и в августе 1948 года возили для Благодатинского сельпо соль в большом количестве.

По истребованным путевым листам удалось установить, что шоферы Ефремов и Рычков в июле — августе возили соль в Черно-Затонский магазин к Рыжкову четырежды раза. В путевых листах указаны были и номера на-кладных. Однако при проверке оказалось, что в этих накладных значится отпущенное не соль, а вино и водка, стоимость которых совпадала со стоимостью соли, фактически доставленной в магазин.

Все эти обстоятельства позволили предположить, что заведующий базой Герасимов, воспользовавшись тем, что соль на базе при инвентаризации не взвешивалась, отпускал ее без накладных, а вместо фактически отпущеной соли в накладных указывал на ту же сумму водку и вино. Этим самым он создавал недостачу соли и излишки водки и вина, которые присваивал. Однако это предположение необходимо было проверить. Мною был объявлен розыск Герасимова, и вскоре он был разыскан. При допросе Герасимов первоначально отрицал недостачу соли за период его работы и тем более отри-

цал хищение вина и водки. Но под тяжестью собранных улик на очной ставке с Рыжовым он вынужден был признаться в хищении товаров путем отпуска соли в магазин за счет других товаров, которые он присваивал.

Таким образом, выясняя причины образовавшейся недостачи соли, я вскрыл имевшее место хищение других товаров.

Старший следователь прокуратуры
Каспийского бассейна
юрист I-го класса
А. А. АГАВЕЛЯН

ВАЖНОСТЬ ВЫЯВЛЕНИЯ ВСЕХ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

При расследовании хищений, совершенных организованной группой, следователь должен тщательно исследовать все эпизоды дела, чтобы установить, могли ли изобличенные преступники совершить хищение без участия других лиц, имевших определенное отношение к преступным операциям, но якобы не обнаруживших преступной деятельности обвиняемых.

Обвиняемые в ряде случаев не называют всех своих соучастников, рассчитывая, что последние, выступая в качестве свидетелей по делу, не будут, из-за боязни своего разоблачения, давать показаний, усугубляющих вину первых. Иногда разоблаченные преступники скрывают своих соучастников и по другим соображениям.

Следователь поэтому сам должен в процессе предварительного следствия установить преступные связи между всеми членами шайки. Нельзя считать следствие законченным, если имеются основания предполагать, что не все преступники изобличены.

Такое сужение рамок предварительного следствия обычно ведет к тому, что некоторые доказательства,

изобличающие лиц, привлеченных к уголовной ответственности, в дальнейшем также оказываются поколебленными и дело возвращается судом для выяснения ряда дополнительных обстоятельств.

Приведу пример такой неполноты предварительного следствия, повлекшей за собой двукратное возвращение дела на доследование.

Дело, по которому на скамье подсудимых при рассмотрении его судом в третий раз оказалось 11 бывших работников конторы, центрального склада и магазинов «Торгмортранс», началось с сообщения управляющего конторой Мосновского в следственные органы о злоупотреблениях на центральном складе.

В своем сообщении Мосновский указывал, что бывший заведующий центральным складом Рустамов путем ряда комбинаций с отпуском товаров из склада в торговые точки присвоил 10 тыс. руб. В результате изучения документов, поступивших от конторы «Торгмортранс», а также из допроса Рустамова выяснилось, что в незаконных операциях, произведенных якобы с целью покрытия образовавшейся по неизвестным причинам недостачи по складу, принимали участие заведующие магазинами Фараджев, Булатова и Нима. Сопоставление документов, имевшихся на центральном складе, показало, что Рустамов при помощи своих соучастников — заведующих магазинами — проделал ряд операций с целью хищения социалистической собственности.

Одна из этих операций, выявленная следователем, первоначально расследовавшим это дело, состояла в следующем.

Рустамов, не имея на складе топленого масла по 30 р. 90 к. за килограмм, отпустил по этой цене одному из магазинов топленое масло низшего сорта, стоявшее 29 р. 30 к. килограмм. Все отпущенное масло стоило 18 600 руб., но так как цена одного килограмма была завышена на 1 р. 70 к., то вся партия масла оценивалась в 21 000 руб. Заведующий магазином Фараджев, соучастник Рустамова, получив масло низшего сорта и зная, что килограмм его стоит не 30 р. 90 к., а лишь 29 р. 20 к., все же пустил его в продажу по цене 30 р. 90 к. В результате путем обмана потребителей Фараджев выручил лишних 2400 руб.

Вся сумма, вырученная за масло, была внесена

Фараджевым в банк. На первый взгляд получалось, что никакой корыстной цели Фараджев не преследовал. На самом деле это был лишь первый этап хищнической деятельности Рустамова и Фараджева, совершивших еще ряд операций для присвоения внесенной в банк суммы. Рустамов, указав в документах, что он отпустил топленое масло высшего сорта, создал книжный излишек высокосортного масла и такую же фактическую недостачу масла низшего сорта. Надо было «урегулировать» это расхождение. Поэтому Фараджев по указанию Рустамова составил фиктивную, т. е. бестоварную накладную, на основании которой высокосортное масло якобы возвращалось из магазина в центральный склад.

Взамен этой бестоварной накладной, которая дала возможность Рустамову оприходовать якобы возвращенное масло, последний выписал накладную на отпуск магазину такого же количества масла низшего сорта. Теперь вопрос с маслом был урегулирован, т. е. ни в магазине, ни на центральном складе излишков или недостач не оказалось. Оставалось каким-нибудь путем изъять излишек в 2400 руб., образовавшийся на счете в банке в результате продажи масла по завышенной цене, для того, чтобы эти деньги присвоить. С этой целью Рустамов выписал накладную на отпуск магазину дамских жакетов на сумму 2400 руб. и отпустил эти жакеты Фараджеву. Последний оприходовал жакеты по магазину, но вырученные от их продажи деньги в сумме 2400 руб. в банк не внес, ибо такая сумма была внесена раньше при продаже масла по завышенной цене.

В результате таких махинаций 2400 руб., незаконно переполученные с покупателей, оказались в кармане Рустамова и Фараджева.

Подобные же операции проделывались Рустамовым и при отпуске товаров другим магазинам, заведующими которыми были Нима и Булатова.

Анализ документов центрального склада показал, что это не был единственный способ, который применяли преступники для совершения хищений. В качестве примера других преступных комбинаций, которые они совершили, может быть приведен следующий факт.

На центральный склад поступила партия мандаринов, которые должны были быть реализованы через

торговую сеть конторы «Торгмортранс». Мандарины были принятые по весу, так как в документах было указано лишь количество и вес ящиков с мандаринами первой и второй групп. До реализации мандаринов следовало путем производства товарной экспертизы определить их количество по размерам, так как предложенная цена зависела от размеров мандаринов. Комиссия была создана, но до определения количества и качества мандаринов этой комиссией, с ведома управляющего конторой Мосновского и главного бухгалтера Бенинсона, был составлен внутренний акт, на основании которого мандарины были оприходованы ипущены в продажу. В этом акте фактическое количество мандаринов было занижено на 15 810 штук, или на 10 800 руб. Так был создан резерв для хищения.

Установив эти факты, следователь, однако, не исследовал вопроса о том, почему Мосновский и Бенинсон «не заметили», как они объясняли, расхождения между данными внутреннего акта и документами поставщиков и дали указание о реализации мандаринов. В то же время следователь, считая вполне доказанными факты преступных комбинаций, произведенных Руставовым, Фараджевым, Булатовой и Нима, не считал необходимым проверить должным образом утверждения Руставова о том, что эти комбинации проделывались якобы не с целью хищений, а лишь для покрытия недостач, образовавшихся по неизвестным причинам.

При таких условиях предварительное следствие было все же закончено, и Руставов, Фараджев, Булатова и Нима были преданы суду по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

При рассмотрении дела в народном суде, в процессе судебного следствия сразу же выяснились обстоятельства, которые свидетельствовали о неполноте предварительного следствия, выразившейся в том, что не были выяснены взаимоотношения между обвиняемыми и другими должностными лицами конторы «Торгмортранс», имеющими отношение к операциям центрального склада и торговой сети.

В процессе судебного следствия из показаний подсудимых и свидетелей, а также путем анализа других до-

казательств выяснилось, что свидетели по данному делу — управляющий конторой «Торгмортранс» Мосновский и главный бухгалтер той же конторы Бенинсон, осуществляя непосредственное руководство подчиненной им системой, использовали свое служебное положение в корыстных целях.

Так, Мосновский и Бенинсон брали с центрального склада и из магазинов продукты питания и промтовары без оплаты их стоимости. В результате на складе и в торговых точках образовались недостачи, которые заведующие этими точками покрывали преступным путем. Кроме того, Мосновский и Бенинсон неоднократно выпивали и закусывали на складе у Руставова также без возмещения стоимости вина и продуктов. Этим самим Мосновский и Бенинсон толкали своих подчиненных на путь преступлений вместо того, чтобы пресекать преступные действия последних. На судебном заседании выяснилось также, что Мосновский не только знал о неправильном определении количества мандаринов, поступивших на склад, но, будучи лично заинтересован в создании резервов, сам содействовал этому.

В связи с указанным народный суд по ходатайству прокурора, участвовавшего в процессе, вынес определение о привлечении Мосновского и Бенинсона в качестве обвиняемых и о направлении дела на доследование.

Доказательства виновности Мосновского и Бенинсона, выявившиеся в процессе судебного разбирательства, оказались настолько вескими, что преступников тут же в суде взяли под стражу.

Неполнота предварительного следствия, зафиксированная определением суда, подсказывала следователю, к которому дело поступило на расследование, необходимость очень тщательного и всестороннего исследования всех обстоятельств, связанных с деятельностью Мосновского и Бенинсона. Однако и на этот раз следствие велось крайне поверхностно. Не были устраниены противоречия между показаниями Мосновского, Бенинсона и других лиц, не уточнены отдельные факты, относящиеся к действиям каждого обвиняемого.

Так, к делу был приложен приказ Главного управления торговли на морском транспорте («Главторгмортранс») Министерства торговли СССР о результатах

документальной ревизии конторы «Торгмортранс». Из этого приказа было видно, что со стороны Меновского и Бенинсона за период их работы в конторе допускались злоупотребления, бесхозяйственность и нарушения финансовой дисциплины. Наличие такого приказа обязывало следователя истребовать акт ревизии, явившийся основанием для издания приказа, и тщательно проанализировать все обстоятельства, отраженные в этом акте. Однако не только не были проанализированы данные акта, но и сам акт не был приобщен к делу.

В таком виде дело в отношении теперь уже шести обвиняемых было вновь направлено в народный суд. Последний, отметив на подготовительном заседании, что предварительное следствие в отношении Меновского и Бенинсона проведено неудовлетворительно и не было направлено в сторону возможно полного раскрытия всех обстоятельств, связанных с деятельностью обвиняемых, вторично вернул дело на доследование.

Так как сроки предварительного следствия затягивались и не было гарантии, что это запутанное дело будет в кратчайший срок полно и всесторонне расследовано, прокурор бассейна передал его мне, как старшему следователю прокуратуры бассейна, для выполнения всех указаний суда, сделанных на подготовительном заседании.

Эти указания, естественно, не ограничивали мою инициативу в расследовании. Изучив тщательно все материалы дела, состоявшего к этому времени из четырех объемистых томов, я наметил план дальнейших следственных действий.

В результате изучения следственного производства и особенно акта документальной ревизии деятельности конторы «Торгмортранс» мне стало ясным, что в первую очередь надо назначить судебно-бухгалтерскую экспертизу. Этим путем прежде всего необходимо было установить по документам отчетности, какие товары и в каком количестве, а также на какую сумму и каким магазинам отпущены с центрального склада конторы. Необходимо было выяснить затем, какие из этих товаров отпускались со склада в количестве большем, чем их там фактически имелось, и какие товары не отпущены в том количестве, которое значилось по документам. Необходимость выяснения всех этих обстоятельств

вызывалась тем, что путем отпуска товаров низших сортов вместо высших, а также путем составления фиктивных документов на складе создавалась пересортировка, позволявшая обвиняемым присваивать государственные средства.

Необходимо было установить, какие недостачи денежных и материальных ценностей образовались по центральному складу у Рустамова, а также у заведующих магазинами Булатовой, Нима и Фараджева.

Судебно-бухгалтерская экспертиза была мною назначена. Сложность дела требовала тщательной подготовки этой экспертизы; помимо обеспечения эксперта необходимыми документами, следовало тщательно продумать вопросы эксперту-бухгалтеру.

На разрешение эксперта было поставлено 11 вопросов, причем некоторые из них были разбиты на пункты, чтобы получить от эксперта наиболее полные ответы. На разрешение эксперта были поставлены вопросы, цель которых была выяснить, охватывали ли ревизии всю работу предприятий, регулярно ли производились эти ревизии, принимались ли по ним надлежащие меры и т. п.

Эти вопросы имели большое значение для установления того, как управляющий конторой Меновский и главный бухгалтер Бенисон выполняли постановление СНК СССР от 15 апреля 1936 г. «О внутриведомственном финансовом контроле и документальной ревизии учреждений, предприятий, хозяйственных организаций и строительств»¹, а главный бухгалтер Бенисон, кроме того, свои обязанности главного бухгалтера, предусмотренные соответствующими правилами.

Остальные вопросы также имели значение для выяснения ряда эпизодов, связанных с деятельностью отдельных обвиняемых, а также других лиц, действия которых должны были быть проверены.

Большое значение имела для дела постоянно осуществлявшая мною связь с экспертом в процессе производства экспертизы. Это дало возможность оперативно собирать дополнительные материалы, необходимые эксперту для дачи полного и обоснованного заключения. В то же время, используя в процессе следствия данные,

¹ СЗ СССР 1936 г. № 22, ст. 202.

которые выявлялись по ходу экспертизы, можно было добывать новые доказательства преступной деятельности обвиняемых путем производства допросов, очных ставок, выемок и пр.

За время производства экспертизы было произведено 7 выемок, 11 осмотров вещественных доказательств, приобщено к делу до 50 документов, проведено 56 допросов свидетелей и обвиняемых, а также 18 очных ставок. Производство экспертизы не только не задерживало следствия, но и помогало ему, так как вновь вскрываемые экспертом в процессе работы факты немедленно сообщались мне. Достигалась уплотненность следствия не только путем тщательного планирования, но и путем детальной подготовки проведения каждого отдельного следственного действия. Ни разу не пришлось вторично возвращаться к допросам одних и тех же лиц.

Экспертиза дала определенные ответы на все поставленные ей вопросы. В связи с этим становилась ясной роль каждого обвиняемого и устанавливался материальный ущерб, причиненный государству их преступными действиями. Данные экспертизы тщательно сопоставлялись с другими доказательствами по делу, чем создавалась стройная совокупность доказательств вины каждого обвиняемого.

В процессе предварительного следствия была установлена не только преступная роль каждого ранее привлеченного обвиняемого, но и вина еще ряда других лиц, которые также были привлечены к уголовной ответственности.

Верховный суд Дагестанской АССР, на рассмотрение которого поступило это дело, приговорил подсудимых к длительным срокам лишения свободы.

Прокурор Таласского района
Эстонской ССР
юрист 2-го класса

Р. В. ЭЛЬЯС

СВОЕВРЕМЕННО ПРОИЗВЕДЕННЫЕ ОБЫСКИ ПОМОГЛИ РАСКРЫТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЕ

В тех случаях, когда следователь сталкивается с фактом хищения, по первым признакам совершенного посторонними лицами, и установления в связи с этим недостачи товаро-материальных ценностей, у него всегда должны возникнуть две основные версии: 1) совершено хищение посторонними лицами, 2) совершено хищение материально ответственным лицом, сопровождавшееся симуляцией. Обычно одним из первых следственных действий в таких случаях бывает осмотр места происшествия. Однако, начав со следственного осмотра, нельзя ограничиваться этим. Надо тут же решить, какие последующие следственные действия необходимо безотлагательно произвести. Очень часто после осмотра места происшествия возникает необходимость в производстве ряда обысков как в служебных помещениях, так и в квартирах тех лиц, которых есть основания подозревать в совершении преступления. Целью этих обысков является обнаружение товаров, денег или иных ценностей, которые могут быть скрыты преступниками, прибегающими к симуляции кражи с целью сокрытия хищения, совершенного иным способом.

Своевременно и умело проведенные осмотр и обыски дают возможность найти скрытые материальные ценности и разоблачить преступников.

Для примера приведу дело, по которому мною производилось расследование в период работы народным следователем Валгаского района Эстонской ССР.

Однажды начальник милиции сообщил мне по телефону о вооруженном ограблении промтоварного магазина. Немедленно с работниками милиции я выехала на место происшествия. Надо было спешить, чтобы произвести осмотр по горячим следам. Однако к нашему приезду в магазине уже началась инвентаризация и обстановка была изменена. Инвентаризация магазина разрешена была участковым уполномоченным милиции после того, как он произвел осмотр помещения магазина и допросил ряд свидетелей.

Жена заведующего магазином Кээри, Абар Элли, при допросе ее участковым уполномоченным милиции рассказала о том, при каких обстоятельствах было совершено ограбление.

12 июня Кээри уехал в районный центр, поручив жене торговать в магазине во время его отсутствия. По словам Абара Элли, на другой день после отъезда мужа ровно в 12 часов дня, когда не было ни одного покупателя, в магазин вошли трое неизвестных. Угрожая имеющимися у них пистолетами, они предложили отдать им ключи от магазина и выдать выручку. Забрав около 4 тыс. руб. денег и часть товаров, неизвестные заперли ключом входную дверь магазина изнутри и вышли через дверь, выходящую во двор, заперев ее на висячий замок. Ключи грабители забрали с собой. Уходя, они вели Абара Элли не кричать и не пытаться выйти из магазина до наступления темноты. Часа через два после случившегося к магазину подошел гр-н Цирк. Через окно Абар сообщила ему об ограблении, и Цирк заявил об этом участковому уполномоченному милиции.

Прочитав показания Абара, я познакомилась с протоколом осмотра места происшествия. Из протокола было видно, что никаких доказательств ограбления при осмотре установить не удалось, так как товары лежали в порядке и никаких следов преступников не было. Инвентаризация выявила недостачу товаров и денег на общую сумму 21 000 руб.

При таких условиях версия об ограблении вызывала у меня сомнение. В связи с этим я решила произвести обыск в помещении магазина и в квартире Кээри. Необходимость в этом подкреплялась тем, что, по словам Абара, грабители взяли наличными деньги только около 4 тыс. руб., а общая недостача товаров и денег в магазине выразилась в сумме 21 тыс. руб. Таким образом, три грабителя должны были унести из магазина товаров более чем на 17 тыс. руб. Между тем особо дорогих товаров в магазине не было, а три человека, при отсутствии транспортных средств, никак не могли унести такое количество товаров, чтобы стоимость их составляла 17 тыс. руб. Особенно трудно было это сделать в 12 часов дня, когда улицы были полны народа.

Поскольку версия об ограблении была поставлена под сомнение, следовало во время обыска искать, помимо денег, также и ключи от магазина, ибо, по словам Абара, их унесли грабители и участковый уполномоченный открыл магазин, взломав замки.

До того, как приступить к обыску, я ознакомилась с окружающей обстановкой.

Магазин состоял из трех комнат, где производилась торговля, находился товар. Во второй комнате находилась печь. Недалеко от печи стояли кровать, стол, умывальник и сундук. Третья комната являлась складом, откуда вела дверь во двор. Во дворе в 70 м от магазина находился каменный сарай.

После такого общего осмотра мною в течение нескольких часов производился обыск. Шаг за шагом были осмотрены все комнаты магазина, в том числе и та, где временно жили Абар и Кээри, но ни денег, ни скрытых ценностей не было обнаружено. Обыск производился также в сарае. При осмотре стен каменного сарая мое внимание привлек видневшийся под крышей внутри сарая кусок газеты.

Когда я осторожно потянула этот лист, то вытащила сверток. В нем оказались деньги различных купюр на сумму 1085 руб. Это была первая существенная находка. Если деньги были добыты не преступным путем, то зачем понадобилось их прятать под крышей сарая?

Обнаружение свертка подсказывало необходимость еще тщательнее производить обыск. Когда был осмотрен сарай и окрестности магазина, я решила вернуться в

Магазин и еще раз осмотреть печь, которую первый раз осмотрела, не выгребая золы. Мне было известно, что преступники иногда прячут орудия преступления и похищенное в печи.

При выгребании золы раздался стук упавшего металлического предмета: то была связка ключей в количестве 5 штук.

Присутствовавшая при обыске Абар заявила, что это старые ключи, о которых ни она, ни ее муж ничего не знали. По ее предположению, эти ключи оставил в печке прежний заведующий магазином. Так как она и Кээри в течение трех месяцев, прошедших после приема магазина, печку не топили, то этих ключей и не обнаружили. Относительно обнаруженных в сарае денег Абар заявила, что не знает, кому они принадлежат и кто их туда положил. После обнаружения ключей Абар стала нервничать и несколько раз начинала плакать.

Пока что в моем распоряжении были лишь некоторые отдельные косвенные улики, которые не исключали версии об ограблении магазина.

К концу обыска явились вызванные мной в качестве свидетелей рабочие дорожного отдела и другие лица, живущие рядом с магазином. На допросе эти свидетели показали, что весь день 12 июня они работали вблизи магазина, но незнакомых людей не видели, шума или крика из магазина не слышали. Они не видели также, чтобы кто-либо подъезжал к магазину или выносил оттуда большие свертки или тюки.

Все это опровергало версию об ограблении магазина, но доказательств было еще явно недостаточно. Поэтому я решила немедленно произвести обыск и в зимней квартире Кээри. В самой квартире при обыске найти ничего не удалось, но зато в сарае среди дров был обнаружен сверток, в котором оказалось 2663 руб.

Два свертка денег на общую сумму около 4 тыс. рублей, связка ключей, обнаруженная во время обыска, показания свидетелей — все это подтверждало, что ограбления магазина не было. Проанализировав собранные доказательства, я приступила к допросу Абар, которая после некоторого запирательства призналась, что никого ограбления магазина не было. Версия об ограблении была придумана с целью скрыть недостачу, которая образовалась в магазине потому, что Кээри системати-

чески расходовал вырученные от продажи товара деньги на пьянство. Однажды он сказал, что было бы хорошо, если бы магазин ограбили, и тогда недостачу удалось бы списать. Эта идея понравилась Абар. После того, как уехал муж, она поздно вечером выбрали наиболее ценные товары примерно на 6 тыс. рублей, сложила их в мешок и отдала его своей сестре Хэльми Абар, которая отвезла похищенное к себе в соседний район. Кроме того, Элли Абар забрала из магазина все наличные деньги в сумме около 3 тыс. рублей и спрятала их у себя дома в сарае.

В день «ограбления» Абар спрятала в сарае дневную выручку в сумме 1085 руб., затем вошла в магазин, заперла изнутри входную дверь, а ключи спрятала в печь. После этого она стала звать на помощь, но никто ее криков не слышал. Только через два часа к магазину подошел гр-н Цирк, которому Абар рассказала об «ограблении» с просьбой заявить о случившемся в милицию.

Эти показания Элли Абар подтверждались результатами осмотра и обыска. Оставалось найти мешок с товаром, который увезла сестра Элли.

Не теряя времени, на автомашине я вместе с работниками милиции выехала в село, где проживала сестра Элли — Хэльми Абар. Последняя отрицала свое участие в хищении товаров из магазина и не хотела указать, куда спрятала полученный от сестры мешок. Пришлось приступить к обыску. Обыск в квартире не дал результатов, но мы продолжали поиски во дворе и в саду.

Мое внимание привлекло то обстоятельство, что в то время, как все клумбы были покрыты молодыми всходами, одна из клумб носила следы перекопки и по высоте превышала все остальные. Клумба была перерыта. В ней оказался мешок с товарами, о которых говорила Элли Абар.

Только после этой «находки» Хэльми Абар призналась в соучастии в хищении.

Таким образом, своевременно проведенные обыски помогли разоблачить преступников и изъять товаров и денег на общую сумму около 10 тыс. руб.

Народным судом Валгасского района Кээри и сестры Элли и Хэльми Абар были приговорены к длительным срокам лишения свободы.

Старший следователь
прокуратуры г. Таганрога
юрист 2-го класса
И. Н. КОВТУН

КАК БЫЛА РАСКРЫТА СИМУЛЯЦИЯ КРАЖИ

Вечером 8 января 1950 г. во второе отделение милиции г. Таганрога поступило сообщение о совершенной в этот вечер краже товаров из ларька № 4 орса завода им. Димитрова.

Выехав на место происшествия, работники милиции установили, что замок с двери ларька снят и следов повреждений на замке не имеется. Внутри ларька некоторые полки оказались пустыми. На полу лежали товары и оставленные кем-то кнут и старая рукавица.

Снятие товарных остатков и проверка отчетности показали, что в ларьке недостает товаров на 82 тыс. рублей. Однако, несмотря на крупный размер похищенного, народный следователь прокуратуры Сталинского района Таганрога, кроме допроса материально ответственного лица — заведующей ларьком Шевченко и некоторых свидетелей, — других следственных действий не проводил, и дело длительное время находилось почти без движения. По указанию прокурора города это дело было изъято из прокуратуры района и передано мне для дальнейшего ведения следствия.

Приняв дело к своему производству и приступив к

64

расследованию, я столкнулся с большими трудностями, так как время было уплачено и преступники приняли меры, чтобы скрыть следы преступления.

На основе изучения материалов дела у меня возникли две версии, а именно:

- 1) ларек был ограблен неизвестными лицами;
- 2) ограбление ларька симулировано заведующей ларьком.

Наметив план расследования по этим двум версиям, я начал следствие с проверки показаний одного рабочего орса, который заявил, что были случаи, когда с базы орса отправлялись товары в ларек без документов. Указать, какие именно товары были отправлены таким путем и в какое время, свидетель не мог. Решил проверить этот факт, я задумался над тем, каким способом легче всего можно было бы осуществить такую проверку. Первоначально я рассчитывал получить необходимые сведения путем допросов. Однако допросы свидетелей положительных результатов не дали. Поэтому пришлось приступить к тщательному изучению документации, отражающей движение товаров.

Взяв все приходные и расходные документы и ежемесячные акты снятия остатков товаров, я проанализировал движение каждого вида товара по ларьку за период с 1 июня 1949 г. по 8 января 1950 г., т. е. по день сообщения о краже.

В качестве примера приведу анализ движения двух видов товаров — макарон и водки.

По акту инвентаризации на 1 июня 1949 г. в ларьке № 4, где работала Шевченко, было в остатке 137 кг макарон. В течение июня 1949 года поступило с базы еще 450 кг. Когда я обратился к акту инвентаризации на 1 июля 1949 г., то в остатке оказалось макарон 840 кг, т. е. на 253 кг больше остатка на 1 июня и всего полученного за июнь, не считая того, что в течение июня производилась продажа макарон.

Тогда я взял другой вид товара — водку. Результат оказался такой же. На 1 июля по акту инвентаризации в ларьке значилось водки на сумму 11 тыс. руб., поступило за месяц на 14 тыс. руб., а в остатке на 1 августа по акту инвентаризации оказалось ее на 39 тыс. руб., т. е. на 14 тыс. руб. больше того, что было получено за месяц и имелось в остатке.

5 Следственная практика, вып. 12

65

Проверка таким же путем движения всех товаров по ларьку № 4 показала, что получающийся при этом излишек всех видов товаров составляет 76 555 руб.

Полученные данные позволили дополнить план следствия важным вопросом о том, откуда получились эти излишки товаров. Они могли иметь место по двум причинам: или заведующая ларьком завышала товарные остатки во время инвентаризации, или в ларек поступали с базы товары без документов. Необходимо было проверить обе эти версии. В первую очередь я решил проверить вторую версию, а именно: не поступали ли товары в ларек с базы без документов, как об этом показывал вышеупомянутый рабочий орса.

На базе я прежде всего изучил порядок отпуска товара в торговые предприятия. База находилась во дворе завода, и товар, отпускаемый по накладным, вывозился только по пропускам, которые регистрировались в специальном журнале и хранились в бухгалтерии. Изъяв эти пропуска и журналы за два последних года, я слил их с накладными, приложенными заведующим базой к отчету. Путем сопоставления накладных с пропусками и журналом удалось установить факты вывоза товара по пропускам без накладных и не только в ларек, где работала Шевченко, но и в другие магазины.

Вызванному на допрос заведующему базой Кашину я показал пропуска и записи в журнале и потребовал, чтобы он объяснил, почему на эти отпущенные товары не оказалось накладных. Кашин заявил, что эти накладные у него имеются и он может их представить.

И действительно Кашин представил недостающие накладные с расписками заведующих магазинами в получении товаров, объяснив, что в отчеты он их забыл включить. Этим самым Кашин снимал с себя вину, но перекладывал ее всецело на заведующих магазинами. Его показания я использовал при допросах заведующих магазинами, которые не оприходовали товары, отпущеные с базы. Узнав о показаниях Кашина, заведующие магазинами были возмущены его «вероломством» и в свою очередь рассказали об интересовавших меня накладных, предъявленных Кашиным.

Из показаний заведующих магазинами, которые впоследствии подтвердил и Кашин, я узнал следующее.

Заведующий базой орса Кашин, вступив в преступ-

ныйовор с заведующими магазинами Сердюченко и Чекалиной и заведующей ларьком Шевченко, при отпуске товаров с базы выписывал пропуска и накладные в трех экземплярах. По некоторым накладным товары не приходовались магазинами и ларьком, вырученные от реализации неоприходованных товаров деньги делились между участниками хищения, а накладные на эти товары уничтожались. Однако «на всякий случай» третьи экземпляры этих накладных Кашин не уничтожал, а хранил у себя. Эти-то третьи экземпляры накладных он предъявил мне. Судя по ним, всего было похищено с базы товаров на крупную сумму.

Тогда возник другой вопрос: если с базы систематически похищались товары, то почему же не было недостачи по базе? Этот вопрос я поставил перед ревизорами, производившими назначенную по моему требованию ревизию деятельности базы за эти годы. Ревизоры помогли мне ответить на данный вопрос.

Хищение товаров с базы совершалось Кашиным двумя способами.

Во-первых, оно шло за счет того, что некоторые товары, фактически поступавшие на базу от поставщиков, путем сложных бухгалтерских проводок, умышленно запутывавших учет их, на базе не приходовались. Неоприходованный товар отправлялся в магазины и ларьки без накладных и реализовывался как безучетный, а деньги присваивались.

Эти преступления, совершаемые с участием некоторых работников бухгалтерии орса, долгое время оставались нераскрытыми потому, что при прошлых ревизиях расчеты с поставщиками детально не проверялись.

Во-вторых, хищения скрывались путем симуляции кражи. С этой целью базой выписывались бестоварные накладные, на основании которых соответствующие товары приходовались по магазину (ларьку), а по базе списывались. В торговой точке образовалась недостача, после чего симулировалась кража. Составлялся акт, и недостающие товары списывались.

Таким образом, была совершена симуляция кражи в ряде магазинов и в последний раз в ларьке № 4.

Ревизия установила, что в ларек № 4, где работала Шевченко, в течение последнего месяца до симуляции кражи было передано с базы 23 накладных на общую

сумму 82 тыс. руб., но пропусков на вывоз товара по этим накладным не оказалось. После допроса работников бюро пропусков и работников бухгалтерии, а также изучения порядка хранения пропусков, установившего невозможность их пропажи, стало ясно, что обнаруженные 23 накладные являлись бестоварными, т. е. по ним товар не отпускался, а выписаны они были с целью искусственного увеличения количества товаров в ларьке и последующего списания при помощи симуляции кражи.

Тогда я задумался над таким вопросом: если симуляция кражи совершена 8 января, а бестоварные накладные выписаны в декабре, то как же недостача по ларьку была скрыта во время инвентаризации на 1 января 1950 г. С целью выяснения этого обстоятельства я просмотрел отчет и результаты инвентаризации по ларьку на 1 января и увидел, что недостачи не было. Возникло предположение, что поскольку при инвентаризации ларька недостачи выявлено не было, следовательно, в акте инвентаризации остатки товаров были умышленно завышены. В акте инвентаризации на 1 января 1950 г., составленном работником бухгалтерии Бутенко, значилось наличие товаров в ларьке на сумму 100 587 руб. Я обратил внимание на количество отдельных товаров.

В остатке было: водки и вина 2906 бутылок в 145 ящиках; макарон и лапши — 358 кг в 12 ящиках; жиров — 204 кг в 8 ящиках; папирос и спичек — в 5 ящиках; консервов — в 8 ящиках; других товаров — 345 кг.

Возникло сомнение: могло ли такое количество товара на сумму свыше 100 тыс. руб. поместиться в ларьке. Было решено проверить это с помощью следственного эксперимента.

Выехав на место нахождения ларька, я осмотрел его. Оказалось, что ларьк № 4 имел в длину 3,5 м, в ширину — 2,5 м и в высоту 1,8 м. С одной стороны ларька имелись полки, сделанные в виде шкафов и прилавка, с другой стороны у окна стояли стол, размером 1×1 м, два стула и две табуретки. Полезная площадь ларька была весьма ограничена.

Установив всех лиц, имевших отношение к ларьку, я тщательно допросил их по вопросу о вместимости ларь-

ка.

Из этих допросов было также установлено, что никакого переоборудования в ларьке не производилось. Это подтверждалось также справкой бухгалтерии орса. Кроме этого, свидетели показали, что продовольственных товаров в любом ассортименте ларек мог вместить не больше чем на 38—40 тыс. руб. На день заявления о краже водки в ларьке почти не было, а в книжном отчете ее

Рис. 4. Товары, доставленные к ларьку № 4 для проведения следственного эксперимента.

значилось на сумму около 80 тыс. руб., причем в стоимости якобы похищенных товаров вошла и эта сумма.

Собрав все эти предварительные данные, я произвел следственный эксперимент с участием заведующей ларьком Шевченко, бухгалтера Бутенко, которая производила инвентаризацию ларька 31 декабря 1949 г., а также заведующего бюро товарных экспертиз Герасименко, приглашенного мною в качестве эксперта.

Для проведения следственного эксперимента руководство орса по моему заданию направило к ларьку такие же товары, какие значились в акте инвентаризации на 31 декабря 1949 года (рис. 4). Затем в присутствии нанимаемого подвезенный товар стали размещать в ларьке.

При этом подтвердилось, что ларек может вместить товары при нормальной их расстановке только на сумму до 40 тыс. руб. (рис. 5). Даже когда из ларька был убран весь инвентарь — столы, стулья и табуретки и товаром была заполнена вся кубатура ларька, товаров могло уместиться лишь на 80 тыс. руб. Товары на остальные 20 тыс. руб. находились в это время на автомашине и у ларька, так как места в ларьке для их размещения уже не было (рис. 6). Результаты эксперимента были зафиксированы в протоколе с приложением фотоснимков.

Рис. 5. Товары, оставшиеся после нормальной расстановки привезенных товаров в ларьке.

Таким образом было бесспорно установлено, что товары на 100 тыс. руб., значившиеся в акте инвентаризации на 31 декабря 1949 г., в ларьке уместиться не могли.

Обвиняемая Шевченко, уличенная собранными доказательствами, признала факт составления фиктивного акта на 31 декабря и пояснила, что за составление этого акта она уплатила ревизору Бутенко 5 тыс. руб. и что фактически товаров в ларьке № 4 на день инвентаризации было всего лишь на 20 тыс. руб.

Шевченко подробно рассказала о том, что незадолго до симуляции кражи Кашин, с целью скрыть недостачу по базе, выписал 23 бестоварные накладные на якобы отпущенный в ларек товар на сумму 82 тыс. руб. Сделано это было потому, что симулировать кражу с базы было невозможно, так как база находилась на

Рис. 6. Окончательный момент эксперимента. Из ларька убраны стол, стулья и табуреты, а ларек заполнен товарами до отказа, но и в этом случае, как видно на снимке, все привезенные товары в ларьке не уместились.

строго охраняемой территории завода им. Димитрова, откуда вывоз товаров без пропуска невозможен.

Симуляция кражи была подготовлена и проведена Шевченко вместе с Кашиным таким путем: 8 января 1950 г. в 5 часов дня Шевченко передала Кашину, пришедшему в ларек, второй комплект ключей от замков ларька, а сама закончила работу на один час раньше и ушла с пришедшим на дежурство сторожем к себе на квартиру под предлогом передачи сторожу своих валенок на время дежурства. Кашин, улучив удобный момент, когда уже стало темно, но сторож еще на дежуре разбросал по полу часть товаров и, чтобы сбить следствие с толку, подбросил кнут и старую рукавицу.

Когда были установлены все способы хищения в орсе, я стал выяснять обстоятельства, способствовавшие совершению этих хищений, и установил, что руководство орса нарушило установленный порядок производства инвентаризации торговых точек и баз. Допускалось снятие остатков товаров одним лицом — представителем бухгалтерии, что и было использовано преступниками для составления фиктивных актов инвентаризации.

Выяснив все это, я привлек к уголовной ответственности не только непосредственных расхитителей — заведующего базой, заведующих магазинами и бухгалтерами, но и попустителей.

Всего было привлечено к уголовной ответственности и осуждено 12 человек.

Следователь по важнейшим делам
Прокуратуры СССР
младший советник юстиции
Д. Г. ПОГРЕБНОЙ

ИССЛЕДОВАНИЕ СЛЕДОВ ПОКРЫШЕК АВТОМАШИНЫ СПОСОБСТВОВАЛО РАСКРЫТИЮ ХИЩЕНИЯ

Когда по делам о хищениях, совершенных из магазинов, складов и т. п., в числе различных версий возникает версия о краже со взломом, первоочередной задачей является обнаружение оставленных преступниками следов.

Как обнаруженные на месте происшествия и зафиксированные следы преступников помогли раскрыть хищение, я хочу показать на примере дела, расследованного мною в бытность старшим следователем прокуратуры Крымской области.

В ночь на 22 мая 1950 г. из магазина № 4 Стальновского сельпо были похищены промтовары на крупную сумму. Осмотр места происшествия показал, что хищение из магазина совершено путем пролома стены. В процессе осмотра в яме, находившейся на расстоянии 312 м от магазина, была найдена часть похищенных промтоваров. Вблизи этой ямы был обнаружен штык от винтовки германского образца. В этом же месте оказались отчетливо видимые следы покрышек автомобильных колес. Покрышки

РЕПОЗИТОРИЙ ГРУППЫ

внешних шин задних колес оставили менее отчетливые следы, чем покрышки внутренних шин тех же колес. Это говорило о большей изношенности внешних шин. Все эти следы были зарисованы. Кроме того, по следам была измерена ширина колеи передних и задних колес, а также ширина беговой дорожки.

По следам автомашины на грунте было видно, что она прошла по целине и через колхозный сад выехала на проселочную дорогу. В колхозном саду, в том месте, где проходила машина, оказалась сломанной ветка фруктового дерева. В этом месте следы автомашины были также измерены и зарисованы. Измерена была и высота от земли до сломанной ветки. Следы протекторов автомашины, обнаруженные в саду, были сходны со следами, обнаруженными на месте происшествия.

Данные осмотра давали основание предположить, что хищение совершено преступниками, которые скрылись на грузовой автомашине. Но нельзя было ограничиться только одной этой версией. Следственной практике известно много случаев, когда преступники, прораввшись в торговую сеть, пользуются фактически имевшей место кражей для скрытия уже образовавшейся до этого недостачи или уменьшают количество товаров в процессе снятия остатков на момент кражи с тем, чтобы затем привезти их.

Следовало проверить эту версию. Для проверки ее была назначена документальная ревизия магазина за последний год. Кроме того, был тщательно выяснен образ жизни материально ответственных лиц, их связи и т. п.

Наряду с этим были организованы поиски автомашины, следы которой я зафиксировал. В целях установления марки автомашины и ее владельца был направлен запрос в автоинспекцию.

Так как каждая марка автомашины имеет определенную стандартную ширину колеи, автоинспекция смогла на основании данных измерения следов, сделанных на месте, установить, что следы принадлежат автомашине марки «ГАЗ-АА». Кроме того, были приняты меры к установлению с помощью жителей близлежащих деревень, не проезжала ли в ночь на 22 мая автомашина в сторону колхоза им. Калинина, где расположен магазин № 4. Надо отметить, что дорога к этому колхозу была проселочной и машины по ней проезжали редко.

Житель деревни Армян-Баре Барапов показал, что когда примерно в полночь он и его знакомая девушка Николайченко, возвращаясь с вечеринки домой, остановились около кладовой колхоза им. Ленина, на проселочной дороге со стороны г. Джанкой показалась грузовая автомашина, которая остановилась около кладовой колхоза. Шофер спросил у Барапова, как проехать в колхоз им. Калинина. Барапов показал дорогу. Когда автомашина трогалась с места, Барапов сумел заметить ее номер — КМ 30-50. При этом он обратил внимание на то, что на бортах автомашины имелись решетки, применяемые при перевозке скота и высокогабаритных грузов. Кроме того, Барапов заявил, что хорошо запомнил шофера.

Эти показания давали основание предположить, что автомашина № КМ 30-50 является именно той автомашиной, следы которой были обнаружены на месте происшествия.

Кроме Барапова, был допрошен ряд других колхозников, возвращавшихся в ночь на 22 мая из клуба. Колхозники Говорушкина, Кубакина, Шепелев и другие показали, что видели, как по направлению колхоза им. Калинина проехала автомашина с решетками на бортах, а колхозник Бондагура, дежуривший на колхозной птицеферме, примерно в третьем часу ночи 22 мая видел, как по дороге, ведущей из колхоза им. Калинина в сторону большого тракта, проехала грузовая автомашина с решетками на бортах.

Автоинспекция сообщила, что автомашина с № КМ 30-50 принадлежит межрайонной конторе «Заготскот» и закреплена за шофером Андреевым.

Мне удалось установить, что 21 мая указанная машина по распоряжению управляющего конторой «Заготскот» была предоставлена заведующему базой «Заготскот» Сидоренко для поездки по делам службы в совхоз «Выпасной». Сидоренко показал, что обратно в г. Джанкой он вернулся часов в 9—10 вечера. Шофер Андреев довез его до квартиры и поехал в гараж. Сторож гаража Окопский показал, что автомашина вернулась в гараж только в 3—4 часа утра 22 мая.

Для того чтобы проверить, эта ли машина оставила следы, обнаруженные возле обокрашенного магазина, был произведен ее осмотр.

Осмотром машины было установлено, что у нее на крыше кабины поцарапана краска. Кроме того, инспектор госавтоинспекции, участвовавший в осмотре, дал заключение, что задние скаты машины незадолго до осмотра переставлялись. Автомашина имела решетки и была приспособлена для перевозки скота.

Автомашина, ее передние и задние скаты были сфотографированы. Также было измерено расстояние от

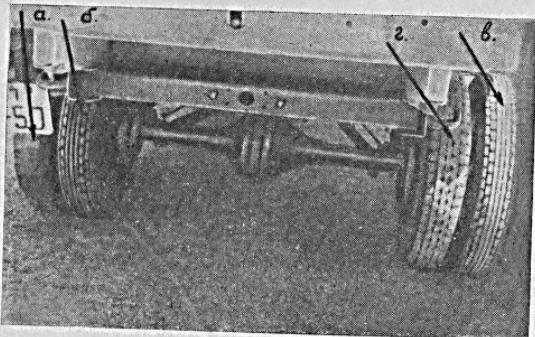

Рис. 7. Задние скаты автомашины № КМ 30-50, сфотографированные следователем при осмотре. Покрышки, обозначенные буквами «а» и «б», не переставлялись, а обозначенные буквами «в» и «г» переставлены одна на место другой.

земли до крыши кабины, где имелось повреждение покраски. Это расстояние совпало с расстоянием от земли до сломанной ветки, обнаруженной в колхозном саду, где проходила машина.

Для следствия имело большое значение выяснение вопроса о том, в каком состоянии находилась автомашина 21 мая и с какой целью на ней переставлялись покрышки.

Управляющий межрайонной конторой «Заготскот» Эпштейн, допрошенный по этому поводу, показал, что 19 мая автомашина вышла из капитального ремонта, а 22 мая, когда ему надо было поехать по служебному делу, у автомашины оказался испорченным стартер и по-

76

вреждена покраска кабины. Шофер объяснил Эпштейну, что поломка автомашины произошла во время поездки в совхоз «Выпасной», и обещал все неисправности быстро устранить.

Объяснения шоferа Андреева, данные Эпштейну, опровергались, однако, показаниями заведующего базой «Заготскот» Сидоренко, который, как выше отмечено, на этой автомашине 21 мая ездил с Андреевым в совхоз «Выпасной». Сидоренко показал, что в дороге автомашина

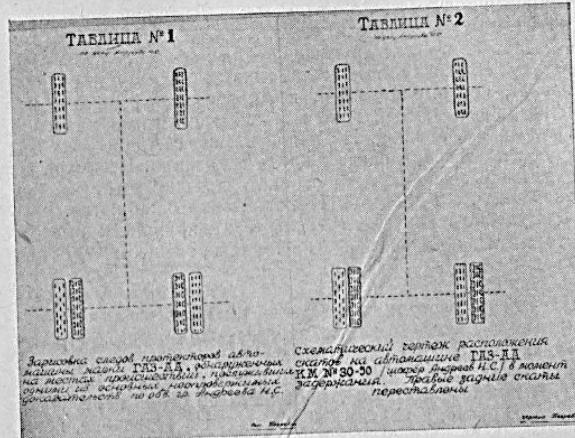

Рис. 8. Схематический чертеж расположения следов автомашины на месте происшествия (табл. № 1) и схематический чертеж скатов автомашины № КМ 30-50, сделанный во время осмотра (табл. № 2).

из не портилась и, как ему говорил шофер Андреев, машина после ремонта находится в прекрасном состоянии.

Все это давало основания считать, что хищение в магазине № 4 совершено либо шофером Андреевым, либо при его участии. Для таких предположений было тем больше оснований, что инвентаризация магазина и другие данные, полученные мною в результате проверки вто-

рой версий, свидетельствовали об отсутствии злоупотреблений со стороны работников магазина.

Андреев утверждал на допросе, что никакого отношения к хищению он не имеет, а отсутствие в гараже автомашины в ночь на 22 мая объяснил тем, что после возвращения из совхоза «Выпасной» он решил поехать на вокзал, чтобы «подработать». На вокзале, утверждал Андреев, он выпил вина, а по пути с вокзала, не доехая до гаража, остановил машину и, будучи в состоянии опьянения, заснул. В 3 часа утра он проснулся и вернулся в гараж. За пределы же Джанкоя он в ночь на 22 мая никуда не выезжал.

Андреев в числе других лиц был предъявлен для опознания Баранову и Николайченко (каждому в отдельности), которые опознали в Андрееве шоfera автомашины, проезжавшей в ночь на 22 мая мимо кладовой колхоза им. Ленина. На очной ставке с Андреевым Баранов подтвердил ранее данные показания. Несмотря на это, Андреев продолжал отрицать поездку в тот район, заявляя, что Баранов и Николайченко ошибаются.

Судебно-техническая экспертиза пришла к выводу, что следы, обнаруженные на месте происшествия, оставлены автомашиной № КМ 30-50.

Важным звеном в цепи доказательств явился обнаруженный на месте происшествия штык. Когда он был предъявлен сослуживцам Андреева, они опознали его как штык, принадлежащий Андрееву. Этот штык они видели в ящике с инструментами, которыми пользовался Андреев. Штык был опознан свидетелями по белой деревянной ручке, круглому кольцу около ручки и ржавчине, которая имелась на штыке.

После того как Андрееву предъявили заключение экспертизы и протокол опознания штыка, он признал себя виновным в краже промтоваров из магазина № 4.

Андреев был привлечен к уголовной ответственности по ст. 4 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и приговорен народным судом к длительному лишению свободы.

Народный следователь
прокуратуры
Песчанокопского района
Ростовской области
юрист 2-го класса
А. И. ЕВТУШЕНКО

НЕОБХОДИМОСТЬ ТЩАТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ВСЕХ ВЕРСИЙ ХИЩЕНИЯ

На примере произведенного мною расследования по делу об ограблении магазина и конторы Рассыпянского сельпо Песчанокопского района я хочу показать, как планирование следствия и тщательное исследование всех версий помогло в короткий срок обнаружить преступников и доказать их вину, предотвратив одновременно возможное ошибочное привлечение к ответственности невиновного лица.

Однажды рано утром мне сообщили об ограблении дежурного магазина и конторы Рассыпянского сельпо и об убийстве сторожа сельпо Миус. Вместе с оперативными сотрудниками милиции я немедленно выехал на место происшествия.

К моменту нашего приезда в село Рассыпное около помещения управления сельпо и магазина собрались жители села. Никаких мер к охране места происшествия своевременно принято не было. Все это мы учли при про-

РЕПОЗИТОРИЙ ГИ

изводстве осмотра и проведении первоначальных следственных действий.

Контора сельпо и дежурный магазин помещались в центре села в двух зданиях, расположенных рядом (рис. 9). В одном доме с дежурным магазином помещался и большой сельмаг.

Рис. 9. Стрелкой обозначены входы в помещение конторы сельпо и в дежурный магазин, подвергшийся ограблению.

Труп сторожа Милю лежал на дороге в нескольких метрах от дежурного магазина. Рядом с трупом была найдена стреляная гильза пистолета «ТТ» и свинцовая «перчатка» с четырьмя отверстиями для пальцев (рис. 10). На «перчатке» была нацарапана фамилия «Щербак». Позднее судебно-медицинским исследованием трупа было установлено, что сторожу были нанесены по голове удары тупым предметом, а затем в голову же произведен выстрел в упор.

Мною были осмотрены контора сельпо и дежурный магазин. Преступники проникли в помещение конторы, вырвав из двери пробой, на котором держался замок (рис. 11). На полу конторы были разбросаны различные документы и рассыпаны деньги; стоящая в углу комнаты железная касса была открыта. Денег в ней не оказалось. Висячий замок, которым она запиралась, был сорван, а

внутренний замок открыт, хотя никаких видимых повреждений на нем я не обнаружил. Около кассы

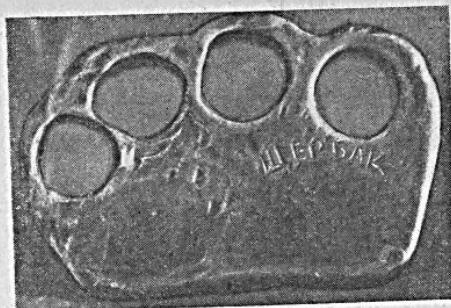

Рис. 10. Свинцовая «перчатка» с надписью «Щербак», обнаруженная на месте происшествия.

на полу валялся круглый железный прут длиной в полтора метра, повидимому, использованный преступниками в качестве орудия взлома.

Дверь дежурного магазина также была взломана. На полу магазина стояла горящая керосиновая лампа. На табуретке за прилавком лежали, очевидно, не замеченные преступниками, деньги в сумме 135 руб.

Еще в начале осмотра была применена служебно-розыскная собака. Но положительного результата это мероприятие не дало, несмотря на то, что собака три раза брала Преступники вырвали из двери пробой.

Рис. 11. Дверь в контору сельпо. Преступники вырвали из двери пробой.

слёд: от конторы сельпо, от магазина и от трупа сторожа.

Для выяснения размеров недостачи и установления точного ассортимента похищенных товаров по моему предложению была назначена ревизия.

Еще до осмотра места происшествия со слов присутствующих граждан мне стало известно, что в эту ночь двое неизвестных, угрожая оружием, вошли по селу кинюху сельского совета Ковлакова, выясняя у него расположение торговых предприятий и состояние их охраны. Естественно, что я решил перед составлением развернутого плана следствия допросить Ковлакова, так как его показания могли помочь ориентироваться в деле и наметить версии, подлежащие расследованию.

Вызванный на допрос Ковлаков показал, что, проходя поздно вечером по селу и заметив во дворе сельсовета незнакомого мужчину, он подошел к нему и спросил, зачем он здесь. В ответ на это неизвестный вынул из кармана пистолет и приказал Ковлакову молча ити вместе с ним. Они дошли до скирды соломы, которая была за домами. Здесь оказался еще один неизвестный мужчина.

Оба неизвестных стали подробно расспрашивать Ковлакова, где расположены магазины и контора сельпо и какая около них охрана. Испугавшись угроз, Ковлаков все им рассказал.

Неизвестные спрашивали также, где можно найти какой-нибудь железный прут для взлома замков. Ковлаков отвел их в кузницу, где они заставили его вынуть ось из сортировочной машины.

Пригрозив Ковлакову расправой, если он скажет о них кому-нибудь, неизвестные его отпустили.

Ковлаков, по его словам, сейчас же рассказал о прошедшем колхознику Ященко, и они вместе предупредили сторожа Милю о возможном нападении злоумышленников на магазин. Ященко в эту ночь остался ночевать у Ковлакова.

Ковлаков очень подробно описал внешность неизвестных. Это показалось мне неправдоподобным, так как разглядеть все подробно в темную ноябрьскую ночь вряд ли было возможно.

Напротив магазина и сельпо, через дорогу, находился молочный завод. Сторожем этого завода был Парашин,

который должен был слышать выстрел, а возможно и видеть преступников. Я и его решил допросить до того, как приступить к построению возможных версий, чтобы собрать как можно больше исходных данных.

Парашин на допросе показал, что действительно ночью слышал выстрел, раздавшийся в районе магазина. Не понимая, в чем дело, он стал наблюдать за происходящим там. Вскоре он заметил, как из конторы сельпо вышли двое мужчин, неся в руках зажженную керосиновую лампу. Они подошли к магазину и стали ломать дверь. Увидев это, Парашин побежал за людьми, чтобы задержать преступников. Пока собирался народ, преступники успели скрыться.

К концу того же дня ревизоры представили мне акт ревизии. Оказалось, что в кассе правления сельпо имеется недостача наличных денег на сумму 2873 руб. Согласно объяснению кассира, все эти деньги находились накануне в кассе, которую взломали преступники.

В магазине была обнаружена недостача товаров и денег на сумму 2717 руб. Обращал на себя внимание характер похищенных товаров и их незначительная ценность: были похищены пионерские галстуки, мужские брючные ремни, конфеты и немного водки.

Таковы те данные, которые имелись в моем распоряжении после проведения первоначальных следственных действий. С учетом всех этих данных мною был составлен план следствия, в основу которого я положил следующие версии:

- 1) ограбление магазина совершено посторонними лицами, не проживающими в селе Рассыпном;
- 2) ограбление магазина совершено Ковлаковым и еще кем-либо из местных жителей.

Некоторые обстоятельства говорили в пользу первой версии: ограблен был дежурный магазин, а не расположенный рядом сельмаг, в котором находились более ценные товары и в большем количестве, о чем местные жители не могли не знать. Во дворе магазина и правления сельпо было свалено большое количество железного лома. Если бы преступники это знали (а местным жителям это безусловно было известно), они подобрали бы себе орудие взлома здесь же, рядом с магазином, а не вытащили бы ось из сортировки в кузнице.

В пользу второй версии говорило подозрительное по-

РЕПОЗИТОРИЙ ГИАСА

ведение Ковлакова. Если верить его показаниям, он был осведомлен о готовящемся преступлении, но почему-то не предпринял достаточных мер к его предотвращению. Подозрительными были и некоторые утверждения Ковлакова. Так, необходимо было проверить возможность без инструмента вынуть из сортировки ось.

Как указывалось выше, вызывало сомнение и подробное описание Ковлаковым внешности преступников. Ковлаков не мог также объяснить, почему в эту ночь Ященко остался у него ночевать и почему они пришли к месту происшествия одними из последних, хотя дом Ковлакова расположен напротив магазина и они должны были слышать выстрел так же, как и Парашин.

Планируя расследование первой версии об ограблении магазина лицами, не проживающими в селе Рассыпном, я поставил перед собой цель проверить, не появлялись ли в ближайших населенных пунктах и на ближайших станциях железных дорог в дни, предшествовавшие ограблению, и после его совершения лица, похожие на тех неизвестных, о которых говорил Ковлаков.

Важным вещественным доказательством по делу была обнаруженная на месте происшествия свинцовая «перчатка» с нацарапанной на ней фамилией или профилем («Щербак»). Нужно было установить, не было ли среди местных жителей кого-нибудь с фамилией Щербак и не видели ли раньше у кого-нибудь эту «перчатку» в селе Рассыпном или в других селах данного района.

Органам милиции было дано задание провести соответствующие оперативно-розыскные мероприятия.

В целях расследования второй версии я запланировал изучение личности Ковлакова и Ященко и проведение у них обысков. Правдивость показаний Ковлакова намечалось проверить также путем следственного эксперимента, а именно экспериментального изъятия оси сортировки без соответствующего инструмента.

Вскоре от органов милиции я получил сообщение, что накануне ограбления двое неизвестных остановили в поле, в нескольких километрах от села Рассыпного группу колхозниц и потребовали отдать им деньги. Так как денег у колхозниц не оказалось, неизвестные их отпустили.

Выехав к указанному колхозницами месту происшествия, я тщательно осмотрел его и обнаружил обложку от

тетради, на которой была написана фамилия ученика 2-го класса Афонина из села Жуковки.

Семью Афониных я нашел без труда. Оказалось, что колхозниц в поле останавливали жители Жуковки Афонин и Лихов. Допросами свидетелей было установлено, что оба они в ночь, когда был ограблен магазин, находились, не отлучаясь, на работе. Место, где работали Афонин и Лихов, было расположено на весьма значительном расстоянии от Рассыпного и, если бы они отлучались, их отсутствие на работе не могло быть не замеченным.

Таким образом, версия об ограблении магазина и конторы сельпо и убийстве сторожа этими лицами отпадала. На этом этапе оперативный розыск других результатов не дал.

Расследуя вторую версию — о совершении ограбления Ковлаковым, я допросил свидетелей об образе его жизни и установил, что он живет в Рассыпном совсем недавно, ни с кем знакомства не поддерживает и часто бывает пьяным.

Кассир правления сельпо показала, что однажды, когда испортился висячий замок от кассы, Ковлаков открывал ее отмычкой.

Проведенный следственный эксперимент показал, что вынуть ось из сортировки вручную хотя и очень трудно, но все же возможно.

При обыске у Ященко ничего не было обнаружено, а у Ковлакова была найдена большая связка различных ключей. Однако ни один из них не подходил к замкам от кассы, конторы и магазина.

Вызванный на допрос Ковлаков неожиданно для меня признался в том, что он и Ященко убили сторожа и ограбили кассу сельпо и магазин. Но где находится похищенное, где они достали и куда спрятали оружие, кому принадлежит свинцовая «перчатка», Ковлаков не объяснял.

Ященко свое участие в убийстве и ограблении сельпо и магазина категорически отрицал.

Признание Ковлакова, ничем не подтвержденное, не являлось убедительным доказательством. Необходимо было продолжить расследование обеих версий. Я дополню план следствия рядом мероприятий, которые должны были внести ясность в дело. Особое внимание я обратил на поиски владельца «перчатки» в других селах и в соседних районах.

Из милиции Белоглинского района мне вскоре сообщили о том, что в этом районе проживают граждане по фамилии Щербак, Щербаков и Щербаченко. В этом сообщении говорилось также, что в станице этого района Новопокровской незадолго до происшествия в Рассыпном заведующий домом культуры Данченко отнял у кого-то во время драки свинцовую «перчатку».

Выехав в Белоглинский район, я допросил там Данченко. Последний сообщил, что указанную «перчатку» просил ее вернуть, так как она ему нужна для изготовления дроби, и он, Данченко, вернул ему эту «перчатку».

Когда я предъявил Данченко найденную после ограбления магазина «перчатку», он подтвердил, что именно такую по форме «перчатку» и с такой же надписью он отдал Несмашному.

В тот же день я вызвал на допрос Несмашного. На очной ставке с Данченко он признал, что предъявленная свинцовая «перчатка» с надписью «Щербак» принадлежит ему. Свое участие в убийстве сторожа и ограблении магазина и правления сельпо в Рассыпном Несмашный категорически отрицал, заявив, что «перчатку» он кому-то отдал. Лишь после продолжительного запирательства Несмашный признал, что «перчатку» он передал Гунько и Подколзину, которые приглашали его принять участие в ограблении магазина. Оба они были вооружены пистолетами «ТТ». Несмашный, однако, отказался участвовать в преступлении. На следующий день Подколзин и Гунько рассказали ему, что они ограбили магазин в Песчанокопском районе и там потерили свинцовую «перчатку».

Немедленно с помощью милиции были произведены одновременные обыски у Гунько и Подколзина. У Гунько были обнаружены брючные ремни, пионерские галстуки, детское одеяло, края которого были обшиты полосками из пионерских галстуков, и большое количество лоскутов от пионерских галстуков. Оружия у Гунько обнаружено не было. У Подколзина были обнаружены два пистолета «ТТ», патроны к ним и большое количество различных товаров.

Было решено произвести обыски у ближайших родственников Подколзина, у которых он мог спрятать по-

хищенные вещи. У Гунько в том районе родственников не было. При производстве обыска у родственника Подколзина Купина было обнаружено большое количество товаров. На допросе Купин показал, что обнаруженные у него товары ему принес Подколзин.

Под давлением этих улик Подколзин признался, что с рядом соучастником он давно занимался разбоем. Его группа ограбила магазины в нескольких селах. Все похищенные товары хранились на его квартире и в квартире Купина. Часть товаров они успели продать. Подколзин назвал всех соучастников и подробно рассказал, где было добыто оружие.

По поводу ограбления магазина, конторы сельпо и убийства сторожа селе Рассыпном Подколзин дал подробные показания. Это ограбление он совершил вдвоем с Гунько. Своими показаниями Подколзин полностью подтвердил все то, о чем показывал на первом допросе Ковляков.

После этого Гунько также признался в совершенном преступлении. Он рассказал, что долгое время проживал под чужой фамилией и что его настоящая фамилия Фоменко. Документы Гунько он украл в 1948 году. По совместному слову с Подколзином они приехали в село Рассыпное Песчанокопского района, убили сторожа сельпо, взломали висячий замок кассы в конторе, забрали деньги, ограбили магазин и там же на месте убийства сторожа потеряли «перчатку».

Признания Гунько и Подколзина следовало закрепить и подтвердить другими доказательствами. В частности, с этой целью мною была назначена баллистическая экспертиза, которой была передана стреляная гильза, обнаруженная на месте происшествия, а также изъятые у Подколзина два пистолета.

Баллистическая экспертиза признала, что гильза, обнаруженная на месте происшествия, была выстрелена из пистолета, присланного (в числе двух) на исследование.

Кроме того, я выезжал вместе с Подколзином в село Рассыпное и в другие места, где им совершались хищения. В присутствии понятых Подколзин на месте происшествия указывал места, где совершались преступления, что и было зафиксировано в протоколах осмотров.

Аналогичное следственное действие было проведено с участием обвиняемого Гунько-Фоменко.

Таким образом, мною была раскрыта группа преступников, совершивших ограбления магазинов.

Оставалось разобраться в причинах самооговора Ковлакова. Этот самооговор, как установила психиатрическая экспертиза, был обусловлен неустойчивым поведением Ковлакова, как психопатической личности. Следует отметить, что данное Ковлаковым описание внешности преступников при проверке оказалось не соответствующим действительности.

Таким образом, благодаря всестороннему и объективному исследованию всех версий преступления, мне удалось избежать возможной в данном случае неправильной оценки признания обвиняемого.

Старший следователь прокуратуры
Краснопресненского района
г. Москвы
юрист 3-го класса
Ю. Б. ПАЛЬМА

ХИЩЕНИЕ ДЕНЕГ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КАССОВОГО АППАРАТА

В сентябре 1951 года в мое производство поступило уголовное дело о хищении денег кассиром магазина № 21 Краснопресненского райпотребтогра Савельевой.

Это дело возникло по инициативе директора магазина Смирнова, который в июле — августе 1951 года стал замечать, что в магазине по неизвестной причине систематически образуются недостачи. Присматриваясь к работникам магазина и пытаясь выяснить причины недостач, Смирнов 28 августа обратил внимание на то, что сумма отоваренных чеков на 102 руб. больше, нежели показывал счетчик кассового аппарата, на котором в этот день работала кассир Савельева.

Составив об этом акт, Смирнов направил материал в органы милиции, где и было возбуждено уголовное дело. Работниками милиции были допрошены Смирнов, Савельева и другие работники магазина, которые по факту обнаружения лишних чеков ничего существенного не показали.

Вызванный механик, осмотрев кассовый аппарат (№ 840181 марки «Националь»), на котором работала

РЕПОЗИТОРИЙ ГУР

Савельева, выдал справку о его полной исправности. Были изъяты чеки и контрольные ленты за последний месяц. Произведенным снятием остатков на 2 сентября 1951 г. выявились недостача по магазину в сумме 1363 р. 30 к.

В таком виде это дело поступило к нам в прокуратуру. Естественно, что в первую очередь меня заинтересовал вопрос о причине появления лишних чеков и о способе хищения денег из кассы. Савельева категорически оно было произведено, следствию ничего известно не было. Один лишь факт — наличие лишних чеков в магазине за 28 августа 1951 г. — мог быть истолкован самым различным образом.

Из литературы и из личной практики мне было известно, что кассиры иногда принимают участие в хищении, совершаемых кем-либо из продавцов. В одних случаях кассир выбивает нулевые чеки, а затем, вписав от руки соответствующую сумму, выдает чеки покупателю. Отпустив по такому чеку товар, продавец уничтожает его, а кассир, изъяв соответствующую сумму из кассы, делил ее с продавцом.

В других случаях кассир получает от продавца чеки на уже отпущенные товары и вновь реализует их с последующим изъятием из кассы и присвоением соответствующих сумм совместно с продавцом.

Таким образом, во всех таких случаях кассир лишь принимает участие в хищении, совершающем работников прилавка. Однако в данном случае дело обстояло совершенно иначе. Обнаружение излишних кассовых чеков свидетельствовало о том, что хищения совершались без участия кого-либо из продавцов. Сама же Савельева попрежнему продолжала отрицать хищение.

Было неясно, откуда и как появились лишние чеки по сравнению с показателями счетчика кассового аппарата.

Для выяснения этих вопросов я стал тщательно изучать все имевшиеся чеки, в том числе и чеки за 28 августа. Одновременно по моему требованию была назначена документальная ревизия магазина. Перед ревизором я поставил задачу проверить соответствие суммы отоваренных чеков за каждый день с суммами показателей счетчиков кассовых аппаратов.

Изучая чеки за 28 августа, я убедился, что хотя все они по общим своим признакам одинаковы (все изготовлены печатным способом, без наличия подделок от руки, все имеют номер, дату, сумму и наименование магазина, все одинакового размера), в то же время некоторые из них отличаются от других малозаметными особенностями и, в частности, неодинаковым расположением отдельных элементов текста.

К этому времени бухгалтером-ревизором были установлены, помимо 28 августа 1951 г., и другие дни, когда сумма отоваренных чеков превышала сумму показателей счетчика кассового аппарата. Характерным являлось то обстоятельство, что в эти дни работала кассир Савельева.

Для выяснения вопроса, все ли лишние чеки выбиты на кассовом аппарате (№ 840181 марки «Националь»), на котором работала Савельева, и какие из них являются поддельными, была назначена криминалистическая экспертиза. В ее распоряжение были предоставлены все чеки за время работы Савельевой, а также экспериментальные образцы чеков, выбитых этим же кассовым аппаратом.

Криминалистическая экспертиза в своем заключении дала категорический ответ, что все чеки, представленные ей, изготовлены на этом кассовом аппарате (№ 840181), причем 68 чеков из общего их числа хотя и изготовлены на данном аппарате, но не при нормальной его работе, а другим способом со специфическими малозаметными признаками отклонения от обычных чеков.

Исследование показало, что в подлинных чеках последние цифры уплаченной суммы расположены вправо от условной линии, проходящей по оси буквы «Т», являющейся окончанием сокращенного названия «Кр. Пр. Р.П.Т», а в поддельных чеках эти цифры во всех случаях смешены влево от этой линии. Характерным признаком, отличающим поддельные чеки от подлинных, является также различное расстояние от линии правого бокового среза чеков до условной линии, проходящей по последней цифре уплаченной суммы. Во всех подлинных чеках это расстояние не превышает 2—3 мм, в то время как в поддельных оно значительно больше и достигает 10 мм (см. рис. 13).

Располагая такими данными, я приступил к допросу кассира Савельевой. Ознакомившись с заключением криминалистической экспертизы, она вынуждена была признать факт получения ею двойных чеков на кассовом аппарате, на котором она работала. Однако это признание далеко не разрешало еще поставленной задачи, так как недостаточно было закреплено материалами следствия.

Вот что показала Савельева о способе получения ею двойных чеков с помощью кассового аппарата.

В первых числах августа 1951 года кассовый аппарат случайно выбил два чека на одну и ту же сумму, хотя она выбивала один чек. В дальнейшем, в течение рабочего дня эта «случайность» повторялась у нее еще несколько раз, в результате чего она получала дублирующие (двойные) чеки на одну и ту же сумму. Так как эти чеки не отличались от обычных, она стала передавать их покупателям, получая соответствующие суммы. Однако при окончании работы лишних денег у нее в кассе не оказалось, так как сумма денежной выручки соответствовала показателю счетчика кассового аппарата. Такие «случайности», как пояснила Савельева, имели место и в последующие дни, но каждый раз никаких лишних денег у нее в кассе не оставалось, и поэтому она не придавала этому факту большого значения, считая, что, очевидно, сумма по дублирующим чекам учтывается счетчиком кассового аппарата.

Иначе говоря, из показаний Савельевой следовало, что хотя она и выбивала дублирующие чеки, но денег она с их помощью не присыпывала.

Для проверки версии Савельевой я включил в план расследования проведение следующих мероприятий:

1) изучить устройство, систему и принцип работы кассового аппарата марки «Националь»;

2) назначить судебно-техническую экспертизу для выяснения возможности и способа получения дублирующих чеков на кассовом аппарате № 840181 марки «Националь»;

3) произвести с участием Савельевой и технического эксперта следственный эксперимент для выяснения возможности и способа получения дублирующих чеков.

Ознакомиться с устройством кассового аппарата марки «Националь», с процессом печатания чеков на

нем и с соответствующей технической терминологией мне помогла книга М. М. Гавришина «Кассовые аппараты» (М., Госторгиздат, 1947).

Из этой книги я узнал, что печатание чеков на кассовом аппарате марки «Националь» происходит за два оборота приводной ручки чекового механизма. При первом обороте на чековой ленте отпечатывается название и номер магазина, а также дата и порядковый номер чека. При втором обороте происходит сразу несколько операций: отпечатывание суммы денежного поступления на чеке, отрезание готового чека, выбрасывание его и, наконец, отпечатывание суммы денежного поступления на контрольной ленте с отражением этой же суммы на счетчике кассового аппарата.

Ознакомившись с устройством кассового аппарата и принципами его работы, я детально изучил сохранившиеся контрольные ленты за время работы Савельевой.

На некоторых контрольных лентах вместо контрольного оттиска суммы денежного поступления в отдельных местах имелся пропуск, пробел, как это можно видеть на фотоснимке (рис. 12).

Для того чтобы выяснить способ получения двойных (дублирующих) чеков, я решил произвести следственный эксперимент в участии Савельевой и технического эксперта.

Сначала Савельевой было предложено показать на кассовом аппарате, на котором она ранее работала, каким образом у нее получались дублирующие чеки. В течение часа, набив большое количество чеков, она пыта-

XX2.61
XX2.49
XXX65
XXX82
XXX82
XX15.20
XX3.65
XX2.34
XX2.65
XX4.90
XXX.76
XX8.70
XXX.82
XX6.80
XX2.19
XX13.60
XX4.38
XX2.84
XX2.21

Рис. 12. Пропуск на контрольной ленте, об разующийся при получении дублирующего чека.

лась получить одновременно два чека на одну и ту же сумму, но так и не смогла этого сделать.

В ходе следственного эксперимента я обратил внимание на то, что Савельева как-то безразлично относилась к тому, чтобы получить дублирующий чек, хотя это подтвердило бы ее версию о «случайном» характере этой операции и, следовательно, повлияло бы на решение вопроса о ее ответственности.

Присутствовавший при следственном эксперименте технический эксперт — механик по кассовым аппара-

там — дал заключение о том, что при нормальной работе на исправном кассовом аппарате — а это обстоятельство было установлено в самом начале следствия — получить дублирующий чек на одну и ту же сумму было невозможно. Тогда я, предъявив Савельевой все собранные по делу доказательства, потребовал от нее, чтобы она объяснила причину пропусков на контрольных лентах. Зная, что любое лживое объяснение ей придется сопровождать демонстрацией на кассовом аппарате, и поняв, что дальнейшее запирательство бесполезно, Савельева признала ложность ранее данных ею показаний

о случайном получении дублирующего чека. На этот раз Савельева рассказала, каким в действительности способом она совершала подделку чеков. Она продемонстрировала мне, как получала дублирующие поддельные чеки одновременно с основными на одни и те же суммы без отражения этого на контрольной ленте и счетчике кассового аппарата.

Все это было мною зафиксировано в протоколе повторного следственного эксперимента и сфотографировано. Экспериментальные образцы поддельных чеков, полученных Савельевой при этом эксперименте, были приобщены к делу (рис. 13).

Таким способом Савельева получала два чека на одну и ту же сумму, в то время как счетчик кассового аппарата фиксировал лишь одну.

Зная о том, что при подсчете чеков сумма, обозначенная на них при таких махинациях, будет превышать сумму выручки по счетчику кассового аппарата и что это легко может быть установлено директором магазина, как это имело место 28 августа 1951 г., Савельева, пользуясь доверием продавцов, предлагала им свои «услуги» в подсчете чеков в конце рабочего дня. При этом подсчете Савельева изымала чеки на сумму равную той, которую она похитила, подделав и сбыв покупателям дублирующие чеки. Однако не всегда ей удавалось таким образом полностью изъять чеки на похищенную сумму. Этим и объяснялось, что за некоторые дни была обнаружена разница между суммой отоваренных чеков и выручкой, размеры которой показывал счетчик кассового аппарата.

Хищение денег путем описанного выше способа подделки чеков с использованием кассового аппарата было полностью доказано.

Народный суд Краснопресненского района г. Москвы приговорил Савельеву по ст. 2 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к лишению свободы.

Рис. 13. Чеки, полученные при проведении следственного эксперимента.
Слева — подлинный, справа — дублирующий.

94

Народный следователь прокуратуры
Ряжского района
Рязанской области
юрист 3-го класса
Ф. А. БЕРЕСТОВСКИЙ

РАССЛЕДОВАНИЕ ХИЩЕНИЙ В СИСТЕМЕ СЕЛЬПО

В прокуратуру Ряжского района Рязанской области сообщили по телефону из милиции, что Есакова, бухгалтер Фофоновского сельпо, найдена в своей квартире висящей в петле. Мне поручили немедленно выехать на место происшествия.

На основании данных осмотра, заключения судебно-медицинской экспертизы и допроса свидетелей стало очевидным, что имеет место самоубийство.

Соседи и родные Есаковой сообщили мне, что семья ее была дружной, никаких скор у нее с мужем не было, а жила Есакова весьма широко. Об этом говорили почти все соседи. В связи с этим возникла необходимость ознакомиться с работой Есаковой в сельпо. Оказалось, что там уже в течение нескольких дней проводится ревизия.

Снятие остатков уже было произведено по всем пятнадцати торговым точкам сельпо, но дальнейшая работа ревизоров остановилась. К документальной ревизии приступить было нельзя, так как составлявшиеся в ходе снятия остатков по магазинам сельпо инвентаризационные ведомости передавались Есаковой, которая неожи-

данно получила освобождение от работы по болезни и в течение двух недель не выходила на работу. Никто из членов ревизионной комиссии не ходил к ней домой за этими ведомостями, рассчитывая на скорое выздоровление Есаковой.

Инспектор-ревизор райпотребсоюза Мамошин сообщил, что проведение ревизии по Фофоновскому сельпо по каким-то причинам откладывалось из квартала в квартал, из года в год в течение пяти последних лет. В то же время по отчетам сельпо, составленным Есаковой, и приложенным к ним описям было видно, что остаток товаров в торговых точках из квартала в квартал все увеличивался и, наконец, перерос установленные нормы. Недавно, когда председатель райпотребсоюза Савельев уехал в отпуск, временно исполняющий его обязанности Вековчиков дал распоряжение изъять часть товаров из магазинов сельпо для ликвидации затоваривания и увеличения оборотных средств базы райпотребсоюза. Когда работники райпотребсоюза приступили к выполнению этого распоряжения, оказалось, что товаров в магазинах мало и изымать там нечего. Этим-то и вызвано было назначение ревизии по сельпо с предварительным снятием остатков во всех торговых точках.

Получив эти сведения, я предложил облпотребсоюзу немедленно назначить новую ревизию. Обнаруженные при обыске квартиры Есаковой инвентаризационные ведомости о наличии остатков товаров в магазинах мною были переданы прибывшим из облпотребсоюза ревизорам.

С самого начала ревизии выяснилась огромная запущенность и запущенность бухгалтерского учета в сельпо. Знакомясь с ходом ревизии, я предложил ревизорам в целях полноты ревизии восстановить весь учет движений товаров и денег по сельпо, обработать и разнести по соответствующим счетам все имеющиеся приходо-расходные документы.

В результате ревизии выявилось очень большое расхождение в данных о количестве товаров по отчетам сельпо, составленным ревизионной комиссией, и инвентаризационными ведомостями товарных остатков. Товаров в действительности было значительно меньше, чем указывалось в отчетах Есаковой.

Не ожидая дальнейших выводов ревизии, председатель правления сельпо Канина обратилась в прокуратуру района с письмом, в котором требовала немедленного привлечения к уголовной ответственности за хищения в сех заведующих магазинами.

Такая поспешность Каниной казалась мне странной. Канина как бы старалась переложить всю вину за обравование недостач на заведующих магазинами и выгородить работников правления сельпо.

Я вызвал на допрос заведующих магазинами. Все они категорически отрицали наличие крупных недостач по их магазинам. Тогда я решил проверить, правильные ли сведения о количестве товаров указывала Есакова в отчетах сельпо. На выдержку я взял отчет за последний квартал и приложенные к нему инвентаризационные ведомости по ряду магазинов, подписанные заведующими магазинами. В процессе их допроса я стал им предъявлять эти ведомости. Некоторые из допрашиваемых не признавали своих подписей и утверждали, что количество товаров в ведомостях явно завышено. В подтверждение своих показаний они принесли мне свои экземпляры тех же самых ведомостей. Остатки товаров в них были действительно значительно меньше. Я обнаружил также, что по ряду магазинов в ведомостях, предоставленных заведующими, в качестве лиц, проводивших снятие остатков, были указаны иные фамилии, чем в ведомостях, приложенных к отчетам сельпо.

Какие же ведомости были правильными, кто занимался их подделкой, а значит, и хищениями, скрываемыми таким путем?

Ответ на этот вопрос я решил искать по двум направлениям: нужно было допросить лиц, указанных в ведомостях, и установить, действительно ли они снимали остатки в этих магазинах и правильные ли результаты выведены в ведомостях. Кроме того, нужно было осмотреть архивные документы сельпо с целью обнаружения подлинных ведомостей.

Архивные документы сельпо находились в полном беспорядке. Но работа по их изучению оправдала себя. Мне удалось обнаружить ряд инвентаризационных ведомостей, в точности совпадающих с ведомостями, предоставленными заведующими магазинами.

При допросе лиц, указанных в ведомостях, прило-

женных к отчету Есаковой, оказалось, что эти лица не имели никакого отношения к сельпо или даже вовсе не проживали в Рязском районе.

Некоторые заведующие магазинами, признавшие свои подписи, сообщили, что после каждого очередного снятия остатков товаров в магазине их вызывала к себе Есакова и предлагала подписать переписанные экземпляры ведомостей. Одним Есакова объясняла, что нужны два дополнительных экземпляра ведомостей для направления их в райпотребсоюз и о лпотребсоюз. Другим она говорила, что представленные ведомости составлены слишком небрежно. Никогда в этих ведомостях не представлялся итог. Если кто-нибудь из заведующих магазинами спрашивал, почему нет итога, или хотел сверить эту ведомость со своими экземплярами, Есакова возмущалась таким «недоверием» и ссылалась на то, что «сама» председатель сельпо Канина и та подписывала ведомости, не проверяя их. Канина часто присутствовала при этих разговорах и поддакивала Есаковой.

Таким образом, еще до получения всех выводов ревизии путем изучения документов и допросами ряда свидетелей мною была установлена фиктивность отчетов Фофоновского сельпо, составленных Есаковой и Каниной. Было ясно, что этим путем Есакова и Канина скрывали систематические хищения.

К этому времени закончилась ревизия. В ее выводах подтверждалось, что все отчеты Фофоновского сельпо, представляемые в райпотребсоюз, были фиктивными и что остатки товаров в магазинах систематически завышались.

Общая недостача по сельпо выражалась в крупной сумме. В акте указывалось, что на эту же сумму бухгалтерией сельпо не были оприходованы денежные документы. В пятидневных отчетах заведующих магазинами деньги значились сданными, а на расчетный счет сельпо в банке они не поступали. В бухгалтерии сельпо не регистрировалось поступление денег от продавцов, хотя это обязательно требовалось.

Нужно было теперь установить, как попадали деньги в руки Есаковой в то время, как они должны были находиться заведующими магазинами инкассаторам.

Еще при просмотре архивных документов сельпо мною была обнаружена одна расписка Есаковой в по-

лучений ею денег для сдачи в банк. В расписке не было ни даты, ни указания, от кого получены деньги.

Снова были вызваны на допрос заведующие магазинами. Я предложил им рассказать о порядке сдачи магазинами денег и о денежной отчетности.

Оказалось, что председателем сельпо Каниной и бухгалтером Есаковой был введен порядок сдачи выручки магазинами, при котором Есакова, реже Канина, к концу торговли обходила магазины и собирала деньги якобы для сдачи в банк. Иногда деньги собирались и под другим предлогом — для производства закупок. Есакова и Канина выдавали расписки в получении денег. Эти расписки заведующими магазинами прилагались к товарно-денежным отчетам вместо кассовых ордеров и сдавались в бухгалтерию сельпо, т. е. вновь попадали к Есаковой.

Становилось понятным, что Есакова и Канина, уничтожив свои расписки, могли похитить деньги, собранные в магазинах. Для скрытия же по отчету денежной недостачи товар показывался в фиктивных описях не проданным. Таким способом похищались крупные денежные суммы.

Изучая образ жизни Есаковой и Каниной, я установил, что они часто устраивали вечеринки и пикники, на организацию которых расходовались немалые средства.

Нередко такие обстоятельства рассматриваются следователями только под углом зрения доказательства хищения. Опыт подсказал мне, что эти же обстоятельства могут пролить свет и на лиц, причастных к хищению, и что в указанных целях весьма важно установить, кто являлся участником кутежей. Поставив так вопрос, я вскоре узнал, что завсегдатаем вечеров и пикников была кассир сельпо Милованова. Дальнейшее расследование, ориентированное таким образом, позволило изобличить Милованову как соучастницу в хищении денежных средств.

В ходе следствия я подробно допросил Канину. Она признавала лишь, что во всем доверяла Есаковой, а сама от руководства сельпо устранилась и о хищениях ничего не знала. Но изобличенная рядом показаний свидетелей, очными ставками с заведующими магазинами и другими доказательствами, она в конечном итоге

признала свою вину в хищениях, совершаемых ею совместно с Есаковой.

Отсутствие должного учета и контроля со стороны правления и бухгалтерии сельпо сделали возможным совершение хищений и в магазинах сельпо. Несмотря на то, что на передачу товара из одного магазина в другой необходимо было получить распоряжение правления, здесь установилась практика взаимной переброски товаров без ведома правления сельпо. Переданные товары списывались в отчетах в расход, и эти отчеты принимались бухгалтерией сельпо.

Заведующие магазинами пользовались таким попустительством со стороны правления сельпо. В случае об разования у них недостачи, они скрывали ее путем выписки фиктивных накладных на передачу товаров в другой магазин. Фактически никакие товары никуда не передавались, а подписи в приеме товаров подделывались. Применялась и другая форма совершения и скрытия хищений. В ряде случаев товар действительно передавался из магазина в магазин. Заведующий, принявший товар, уничтожал накладную, а деньги, вырученные от продажи товаров, присваивал. При проведении ревизии был вскрыт целый ряд таких операций. Но, естественно, что ревизоры не могли сказать, передавался ли в каждом конкретном случае товар или нет, какой именно из заведующих магазинами совершил хищение.

Это необходимо было установить мне в ходе следствия.

Ни допросы заведующих магазинами, ни очные ставки между ними не привели ни к чему; каждый из них отрицал свою вину, сваливая все на другого.

Для изобличения действительных виновников в хищениях на допросы вызывались сторожа магазинов, возчики, шоферы, грузчики и другие лица. Для выяснения по одному из эпизодов вопроса, кто в действительности получал водку с завода, допрашивались работники охраны ликеро-водочного завода, изучались пропуска на вывоз водки с территории завода. Накладные, подписи на которых вызывали сомнение, были направлены на графическую экспертизу.

Таким путем была восстановлена действительная картина движения товаров и выяснено, в каких магазинах и кто их похищал.

РЕПОЗИТОРИЙ ГУРМАН

К уголовной ответственности по настоящему делу было привлечено 12 человек — работников сельпо, совершивших хищения вместе с Есаковой, и заведующих магазинами, расхищавших товары и деньги, пользуясь бесконтрольностью со стороны сельпо. Все они были осуждены Рязанским областным судом к длительным срокам лишения свободы.

Одновременно через прокурора области перед облпотребсоюзом был поставлен вопрос о ликвидации нарушений сроков проведения документальных ревизий в системе потребкооперации и о наказании в порядке подчиненности тех руководителей райпотребсоюза, которые этими нарушениями создают условия для хищений.

Начальник следственного отдела
Прокуратуры БССР
старший советник юстиции
И. Н. ЗЫКОВ

УСТАНОВЛЕНИЕ СПОСОБА СЫТА ПОХИЩЕННОГО — ВАЖНАЯ ЗАДАЧА СЛЕДОВАТЕЛЯ

В октябре 1951 года прокурором следственного отдела прокуратуры Белорусской ССР младшим советником юстиции тов. Богомазовым было закончено расследование по делу о крупных хищениях табачных изделий в республиканской конторе «Главтабак».

Организованная группа расхитителей социалистической собственности действовала на протяжении нескольких лет. Хищения совершались в основном за счет искусственно создававшейся пересортицы на складах, фабрикации фиктивных актов о недостачах, актов на сожжение якобы испорченных папирос, а также путем завышения потерь и брака при переборке и изготовлении папирос и т. д.

В настоящей статье я остановлюсь на методах расследования способов сбыта преступниками похищаемых табачных изделий.

Систематичность хищений и большие количества похищаемых табачных изделий указывали на то, что эти изделия сбывались при участии торговых работников. Исходя из этой версии, тов. Богомазов решил изучить в Белорусской конторе «Главтабак» документы на получение и вывоз табачных изделий со складов этой конторы.

Кроме того, были исследованы все связи, знакомства и образ жизни работников конторы и торговой сети, которых можно было заподозрить в хищении.

Допросами многочисленных свидетелей было установлено, что бывшие заведующие складами конторы «Главтабак» Климович и Маньковский и заместитель главного бухгалтера конторы Дятлов часто устраивали вечера с выпивкой, на которые всегда приглашался заведующий минским фирменным магазином «Главтабак» Мишелевич. Последний, как выяснилось, на работу в фирменный магазин был назначен по рекомендации принятой на работу Глезер, родственница Мишелевича.

Изучая бухгалтерские документы в республиканской конторе «Главтабак», тов. Богомазов обратил внимание на то, что ко многим накладным на получение табачных изделий фирменным магазином не приложены соответствующие пропуска на вывоз полученных изделий с территории складов конторы. При сопоставлении имеющихся пропусков с соответствующими накладными оказалось, что по некоторым из них вывезено значительно больше табачных изделий, чем было получено по накладным.

Например, по накладной № 1002 магазину было отпущено 40 ящиков и 5 пакетов папирос, а по пропуску, подписанному заведующим складом Климовичем, по этой накладной было вывезено 72 ящика и 49 пакетов папирос. Климович, привлеченный к уголовной ответственности, признал свое участие в хищении и показал, что все похищенные табачные изделия реализовались через фирменный магазин «Главтабак». Он подробно показал на допросе, каким образом удавалось вывозить с территории склада похищенные изделия.

Вначале пропуска на вывоз табачных изделий с территории склада выписывал он один. Поэтому, когданой продукции нужно было вывезти очередную партию личество, хотя оно значительно превышало отпускаемую по накладной продукцию.

Работники сторожевой охраны никогда не сверяли пропуска с накладными, и похищенные изделия вывозились беспрепятственно. Когда фиктивные пропуска попадали в бухгалтерию конторы, они изымались там главным бухгалтером Соболевским и его заместителем

Дятловым, которые также являлись участниками хищений.

Вывоз похищаемых табачных изделий усложнился, когда пропуска стали выписываться техническими работниками бухгалтерии, которые не участвовали в хищениях, а работники охраны стали тщательно проверять все вывозимые с территории склада грузы.

Тогда был найден другой способ вывоза похищаемых табачных изделий, и хищения продолжались: пропуска на вывоз табачных изделий в фирменный магазин выписывались в соответствии с накладными, но впоследствии, уже после получения и вывоза табачных изделий в количестве, указанном в накладной и пропуске, накладные переписывались и в них указывалось меньшее количество табачных изделий, чем в действительности было получено магазином.

Мишелевич и Глезер категорически отрицали свою вину в реализации похищенных табачных изделий.

Так как в магазине они работали только вдвоем, проверить их показания путем допроса свидетелей не представлялось возможным. Но ознакомившись подробно с деятельностью этого магазина, тов. Богомазов установил, что в г. Минске от фирменного магазина «Главтабак» торговало восемь лоточников. Выручку от продажи табачных изделий они сдавали Мишелевичу, а последний — в Госбанк, вместе с выручкой магазина. Зарплатная плата лоточникам выплачивалась республиканской конторой «Главтабак» в размере 1,5% от фактической выручки каждого лоточника. Выручка лоточников в магазине учитывалась в специальной книге.

Когда тов. Богомазов потребовал, чтобы ему предъявили эту книгу, Мишелевич и Глезер заявили, что книга с записями выручки лоточников куда-то исчезла. Этоказалось подозрительным.

Вызванные на допрос лоточники показали, что по их требование Мишелевич и Глезер всегда записывали на обороте второго экземпляра накладной на получаемый товар сумму сдаваемой лоточниками выручки. Делалось это для проверки правильности начисления лоточникам заработной платы.

Все эти накладные сохранились у лоточников и были представлены ими. По ним тов. Богомазов легко восстановил сумму сданной лоточниками выручки.

Осмотрев ведомости на начисление и выплату лоточникам заработной платы, тов. Богомазов убедился, что суммы, записанные на накладных, соответствуют тем суммам, из расчета которых лоточникам выплачивалась заработка плата. Эти ведомости были изъяты и приобщены к делу.

При сопоставлении этих сумм с общей выручкой магазина, сдаваемой в Госбанк, оказалось, что Мишелевич и Глезер систематически сдавали в банк значительно меньше денег, чем им сдавали одни только лоточники. Вся же выручка от торговли самого магазина и часть выручки лоточников в банк не сдавалась. Например, в августе 1948 года от лоточников было получено 280 456 руб., а в банк было сдано всего лишь 256 038 руб., т. е. на 24 416 руб. меньше, чем выручили от продажи табачных изделий только лоточники; значительная недосдача денег в банк установлена и в другие месяцы. В то же время за этот же период резко упал процент выполнения плана товарооборота фирменим магазином.

Назначенная судебно-бухгалтерской экспертиза полностью подтвердила эти выводы тов. Богомазова. Всего через фирмений магазин «Главтабак» Мишелевичем и Глезер было реализовано похищенных табачных изделий на крупную сумму.

Вырученные от продажи похищенных табачных изделий деньги распределялись Мишелевичем между всеми участниками хищений.

Таким образом, благодаря анализу ряда документов (пропусков, накладных, документов денежной отчетности фирмениного магазина «Главтабак» и т. д.) был установлен способ сбыта крупных партий табачных изделий, похищаемых работниками конторы «Главтабак», и разоблачены все участники преступной группы.

Верховным судом БССР расхитители были приговорены к длительным срокам лишения свободы.

РАБОТА С ДОКУМЕНТАМИ И ВЕЩЕСТВЕННЫМИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ХИЩЕНИЙ В ТОРГУЮЩИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

(По материалам следственного отдела
Прокуратуры РСФСР)

Материалы расследованных за последнее время дел о хищениях в торгующих организациях показывают, что в ряде случаев хищения совершаются организованными группами.

В таких организованных хищениях принимают участие не только отдельные работники торговых организаций, в которых совершается хищение, но зачастую в них вовлекаются и лица, работающие в других организациях и предприятиях.

Как правило, такие организованные хищения вуалируются путем многочисленных, весьма тщательно продуманных комбинаций, с использованием недостатков в постановке учета товаро-материальных ценностей и в контрольно-ревизионной работе.

Приемы, используемые для вуалирования хищений, весьма разнообразны и зависят от различных обстоятельств: от характера должностей, на которые удается пробраться преступникам, от системы учета и отчетности материально ответственных лиц в тех или иных торгующих организациях, от порядка оформления отдельных хозяйственных операций, от характера этих операций и ряда других условий.

Приведенные обстоятельства значительно осложняют и затрудняют раскрытие завуалированных таким путем

хищений. Они не поддаются установлению обычно применяемым при ревизиях различием фактического наличия товаро-материальных ценностей, оказавшихся в момент инвентаризации, с так называемыми «книжными остатками». Для вскрытия таких завуалированных хищений необходимо применять иные, более совершенные методы расследования.

В настоящей статье приводится опыт следователей органов прокуратуры РСФСР, расследовавших некоторые дела указанной категории, представляющие интерес как с точки зрения способов хищений, так и наиболее эффективных методов их расследования.

* * *

Народным следователем прокуратуры Ленинского района г. Свердловска юристом 2-го класса Фоминой было произведено расследование по одному из таких дел о тщательно замаскированных хищениях трикотажных изделий в некоторых торговых предприятиях Свердловского универмага.

При универмаге находился склад трикотажных изделий, заведующей которым являлась Андреева, а ее заместителем — Суворов. Трикотажные изделия со склада отпускались в киоски. В одном из таких киосков работала Пьянкова.

Как по складу трикотажных изделий, так и по киоскам периодически, через каждые 2—3 месяца, проводились инвентаризации, которыми, однако, никаких злоупотреблений, недостач и хищений не устанавливались. Необходимо отметить, что инвентаризация склада трикотажных изделий и киосков производились обычно не одновременно. Это обстоятельство заслуживает особого внимания потому, что оно, как впоследствии было установлено, дало возможность в течение нескольких лет скрывать совершаемые хищения.

Произведенной в начале сентября одновременной инвентаризацией по складу трикотажных изделий и по киоскам были установлены крупные недостачи товаров по складу и по киоску Пьянковой.

Поскольку предыдущая инвентаризация, не обнаружившая недостач, производилась пять месяцев назад, можно было сделать вывод, что недостача по складу

108

образовалась в течение последних пяти месяцев. По киоску же Пьянковой последняя инвентаризация проводилась 15 августа, т. е. всего за месяц до обнаружения недостачи, и последняя, следовательно, образовалась за один месяц.

Используя это обстоятельство, Андреева, Суворов и Пьянкова, не имея возможности отрицать самого факта недостачи, подтвержденного подписанными ими приходо-расходными документами, заявили, что, очевидно, произошла какая-то ошибка, ибо за такой короткий срок расхитить трикотажных изделий на столь крупные суммы по складу и по киоску невозможно без того, чтобы хищение не было явным.

Эти объяснения подтверждались до некоторой степени показаниями лиц, близко знавших указанных торговых работников не только по работе, но и в быту, так как никаких фактов, свидетельствующих о хищении в течение нескольких месяцев такой крупной суммы, свидетели не смогли привести. Не дали результатов и проведенные у Пьянковой, Суворова и Андреевой тщательные обыски.

Следствие совершенно правильно поставило задачу: установить природу недостачи и проверить, за какой в действительности период она образовалась.

С этой целью была назначена судебно-бухгалтерская экспертиза, которой предложено было проанализировать движение отдельных видов трикотажных изделий по складу и по киоску Пьянковой с взаимной сверкой бухгалтерских документов, так как при проводившихся инвентаризациях результат выводился суммарный.

В результате было установлено, что крупные недостачи по складу относятся к следующим видам изделий: чулки артикул 85 — недостача 927 пар; чулки артикул 88 — недостача 1878 пар и чулки артикул 91 — недостача 395 пар.

Анализом движения отдельных видов товаров было установлено, что при переоценке товаров в связи со снижением цен по состоянию на 1 марта 1949 г., а также при инвентаризациях киоска Пьянковой на 3 мая и на 4 июня 1949 г. шелковых чулок артикула 85 там не было и поступления их в киоск по расходным документам склада и приходным документам киоска за период времени до следующей инвентаризации, проводившейся

109

15 августа 1949 г., не значится. Между тем при внезапной инвентаризации киоска, произведенной 15 августа 1949 г., в нем оказались в наличии чулки артикул 85 в количестве 456 пар на 11 855 руб.

Это обстоятельство, установленное в результате тщательного анализа движения отдельных видов товаров по киоску, дало основание сделать вывод, что через киоск Пьянковой реализовались чулки, которые поступали со склада без документов и не приходовались по киоску, а вырученные от их реализации денежные суммы расходились.

Это же обстоятельство не могла отрицать и Пьянковая. Таким путем была установлена природа образовавшейся недостачи.

Одновременно было установлено, что при инвентаризации склада 9 октября 1948 г. имелся излишек 85 пар чулок на 4474 р. 40 к.

Для выяснения причины образования излишков были тщательно проанализированы все приходо-расходные документы по этому виду товара, в результате чего удалось обнаружить накладную № 532, датированную 5 октября 1948 г., т. е. четырьмя днями ранее инвентаризации склада, на получение Пьянковой со склада 50 пар чулок на 3 015 руб. В этой накладной, в отличие от всех других накладных, текст и подпись Суворова об отпуске товаров были исполнены карандашом, а расписка Пьянковой — чернилами. Кроме того, там не была указана прописью стоимость товара и содержались некоторые другие дефекты в оформлении реквизитов документа. В связи с этим накладная была предъявлена Пьянковой, которая признала ее бестоварной, выданной Суворову с целью уменьшения по учету наличия товаров для скрытия недостачи на случай намечавшейся по складу инвентаризации.

При дальнейшем анализе документов были установлены и другие бестоварные накладные на получение Пьянковой со склада от Суворова товара, а также на возврат Пьянковой Суворову на склад товаров. Эти накладные выдавались в момент инвентаризаций склада или киоска, которые, как уже указывалось выше, производились не одновременно.

Таким образом, тщательный анализ бухгалтерских документов в процессе судебно-бухгалтерской эксперти-

110

зы дал возможность разрешить возникшие перед следствием вопросы о природе недостачи и времени ее образования.

Дальнейшим расследованием было установлено, что Суворов и Пьянкова систематически похищали со склада трикотажные изделия, реализовали их через киоск Пьянковой и вырученные от реализации похищенных товаров деньги обращали на личные нужды, за что они и осуждены по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Причастность заведующей складом Андреевой к хищению установлена не была. Было установлено преступное отношение ее к своим обязанностям по учету товаров на складе, за что она и была осуждена по ст. 111 УК РСФСР.

* * *

Подобный же анализ бухгалтерских документов дал возможность старшему следователю Тульской областной прокуратуры тов. Сундуку установить тщательно завуалированное хищение, совершившееся в течение нескольких лет на базе орса треста «Скуратовуголь».

На этой базе на протяжении нескольких лет ежеквартально производились инвентаризации, результаты которых сличались с книжными остатками. Наличие товаров по инвентаризационным ведомостям всегда совпадало с бухгалтерскими данными о наличии товаров на базе.

Недостачи или излишки товаров ни в одной из сличительных ведомостей, регулярно составлявшихся по результатам каждой ежеквартальной инвентаризации, отмечено не было. И вот неожиданно при инвентаризации на 1 марта 1949 г. на базе оказалась крупная недостача товаро-материальных ценностей. В связи с этим заведующий базой Игнатов и его заместитель Кулличенков были сняты с работы, и при передаче ими базы вновь назначенному заведующему была установлена дополнительная крупная недостача товаров. Между тем предыдущая инвентаризация по состоянию на 1 сентября 1948 г. никакой недостачи по базе не обнаружила.

Таким образом, формально по документам недостача товаров на базе образовалась в период между двумя по-

111

следними инвентаризациями, т. е. в течение последних шести месяцев. Возможность образования недостачи товаров на крупную сумму в течение такого короткого срока, естественно, вызывала сомнение.

Получив в свое производство это дело, следователь совершенно правильно поставил перед собой задачу разрешить в процессе следствия в первую очередь следующие вопросы:

1) за какой период времени в действительности образовалась выявленная на базе недостача товаров;

2) если эта недостача образовалась в течение продолжительного времени, то почему она не была вскрыта раньше при проводившихся ежеквартально инвентаризациях;

3) куда и какими путями сбывались недостающие на базе товары.

Разрешение этих основных вопросов давало возможность следствию определить и круг лиц, причастных к преступным операциям.

Для выполнения поставленных задач следователь решил тщательно проанализировать инвентаризационные ведомости базы за два года и сопоставить между собой ведомости, относящиеся к разным периодам. Анализ этих документов по суммарным итогам их оказался безрезультатным.

Следователь предложил бухгалтеру-ревизору проследить движение отдельных видов товаров по инвентаризационным ведомостям. В результате были установлены интересные факты, позволившие следователю сделать некоторые выводы о времени образования недостачи.

Так было установлено, что отдельные товары числились по инвентаризационным ведомостям как находившиеся без движения на базе с 16 декабря 1947 г. (с момента переоценки их в связи с денежной реформой) до последней инвентаризации, т. е. более двух лет, а фактически в момент передачи базы Игнатовым и Куличенковым их в наличии не оказалось.

В числе товаров, якобы находившихся без движения в течение всего указанного периода времени, значились такие, как 100 кг грудинки, 500 кг муки ржаной, мука сухарная и т. д.

Установив это обстоятельство, следователь пришел к правильному выводу, что проводившиеся ранее на

112

базе инвентаризации не отражали фактического наличия товаро-материальных ценностей и это давало возможность Игнатову и Куличенкову на протяжении длительного периода времени скрывать хищение товаров.

Эти выводы подтвердились при проверке следствием вопроса о том, как проводились инвентаризации.

Последнюю инвентаризацию базы по состоянию на 1 сентября 1948 г. проводила счетовод орса Иванова, осуществлявшая в орсе учет по этой базе. При наличии на базе продуктов на несколько миллионов рублей инвентаризацию Иванова проводила одна, в помощь ей никто выделен не был. Естественно, что одна она не в состоянии была учесть фактическое наличие товаров на базе и в большинстве случаев записывала это наличие со слов работников базы. По некоторым товарам в инвентаризационной ведомости в графах «количество» и «сумма» первоначально указанные цифры исправлялись в сторону увеличения, и таким образом записи о фактическом наличии товаров в инвентаризационных ведомостях приводились в соответствие с книжными остатками. Во время проведения инвентаризации прием и отпуск товаров с базы не прекращался.

Иванова подтвердила, что инвентаризацию она проводила неточно, так как одна не могла правильно учесть все наличие товаров. Наличие отдельных товаров записывалось в инвентаризационную ведомость с остатков, выведенных по амбарной книге, по которой работниками базы производился учет товаров.

Кроме того, после инвентаризации Иванова составила дополнительный акт о наличии якобы пропущенных при инвентаризации товаров, указав в нем как имеющееся в наличии на базе в числе других товаров — пиво жигулевское, в то время как пиво на базе никогда не хранилось и завозилось транзитом, минуя базу, непосредственно в буфеты столовых, в палатки и другие торговые точки.

Подобным же порядком, как было установлено следствием, проводились и другие инвентаризации.

Так, инвентаризацию по состоянию на 1 июля 1948 г. проводил один бухгалтер Юрасов, который при наличии огромного количества товаров на базе один не мог проверить их фактического наличия.

§ Следственная практика, вып. 12

113

Наряду с этим анализом отчетности по базе, произведенным по предложению следователя бухгалтером-экспертом, было установлено, что в течение 1948 и 1949 гг. систематически не приходовались поступавшие на базу крупные партии товаров и тары. Так уменьшалось то количество товаров, которое должно быть в наличии, и скрывалась имевшаяся на базе недостача.

Так, в октябре 1948 года из числа товаров, принятых от работника орса Есинова по двум счетам, не была оприходована водка на 15 тыс. руб.

В январе 1949 года Игнатов, принимая товар от агента Ремизова, не записал в приемную накладную 200 кг колбасы.

В марте 1949 года Игнатов не оприходовал полученные от агента орса Быкова винные изделия.

Кроме того, в разное время Игнатовым и Куличенковым не был оприходован ряд других принятых на базу товаров на крупные суммы.

Таким образом, тщательное изучение инвентаризационных ведомостей и отчетных документов по базе не по суммарным итогам, а по видам товаров с анализом движения их дало ответ на первые два поставленные перед следствием вопросы.

Было бесспорно установлено, что недостача образовалась не в период между двумя последними инвентаризациями, а на протяжении более двух лет и что свое временно недостача товаров на базе не была установлена по двум причинам. Во-первых, она умышленно скрывалась заведующим базой Игнатовым и его заместителем Куличенковым путем неоприходования части поступающих на базу товаров и уменьшения таким образом книжных остатков по базе. Во-вторых, инвентаризации товаров на базе проводились формально и с грубым нарушением установленного порядка. В результате этого материалы инвентаризаций не отражали фактического наличия товаров на базе.

Кроме того, сопоставление материалов давало основание сделать вывод, что недостача на базе образовалась в результате систематического расхищения товаров, а не по каким-либо другим причинам.

Оставался неразрешенным вопрос о том, куда и какими путями сбывались похищенные товары. По условиям работы сбыт непосредственно с базы больших

партий товара являлся затруднительным. В связи с этим следователь решил проверить, не сбывались ли похищенные товары через какую-либо из торговых точек, снабжавшихся базой. С этой целью были проверены документы по операциям базы с различными магазинами.

В процессе этой работы внимание следователя и бухгалтера-эксперта привлекли операции базы с магазином орса № 12, которым заведывал Акимцев. Обращало на себя внимание большое количество документов на переброску товаров с базы в магазин и обратно, причем в большинстве случаев эти переброски товаров не вызывались никакой необходимости. Следствием были тщательно проверены документы по операциям между базой и магазином № 12. В результате выявились факты, несомненно свидетельствующие о наличии преступной связи между работниками базы Игнатовым и Куличенковым, с одной стороны, и заведующим магазином № 12 Акимцевым — с другой.

Так, было установлено, что в конце 1948 г. в магазин № 12 с базы была доставлена партия товара, в числе которого находились 22 л водки, не значившиеся в накладной, что подтвердила принимавшая товар продавец Жихарева.

При проверке движения соли по магазину № 12 был обнаружен излишек в количестве 729 кг.

Кроме того, было установлено составление с целью сокрытия хищения ряда фиктивных бестоварных накладных на якобы производившуюся переброску товаров из магазина № 12 на базу и обратно.

Так, 24 февраля 1949 г. по накладной № 68 была оформлена переброска из магазина № 12 на базу 120 кг сельдей, в то время как в магазине № 12, как показала проверка, сельдей этого сорта на 24 февраля 1949 г. не было.

Того же числа была оформлена переброска 48 банок компота, в то время как поступление компота по этой цене по магазину не значилось.

Был установлен еще ряд других подобных операций.

Оказалось, что в октябре и ноябре 1948 года в приходе по магазину № 12 мяса не значилось, в то время как в расходе значилось отпущенными больнице 310 кг и столовым орса 493 кг.

В декабре 1948 года оприходовано как получение с базы мясо в количестве 4,2 кг на 109 руб., а по накладным магазина было отпущено мяса Акимцевым: больнице — 63 кг, столовым — 186 кг. Кроме того, при инвентаризации 6 декабря 1948 г. в магазине оказалось в наличии мяса в количестве 107 кг.

Было установлено, что всего Акимцевым реализовано через магазин неоприходованного мяса не менее 1032 кг, без учета мяса, проданного отдельным гражданам за наличный расчет.

Таким образом, было бесспорно установлено, что похищенные с базы товары сбывались через магазин № 12, куда они завозились без оприходования их по магазину.

Дальнейшим расследованием первоначальные выводы, сделанные на основании тщательного анализа бухгалтерских документов, подтвердились и другими доказательствами. Игнатов, Куличенков, Акимцев были преданы суду и осуждены по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Суд конфисковал имущество осужденных, разысканное следователем в процессе следствия. Вместе с названными лицами были привлечены к уголовной ответственности некоторые работники орса, виновные в поститительстве и создании обстановки, благоприятствующей хищению.

Из приведенных дел видно, что решающее значение для раскрытия хищений имело тщательное исследование официальных бухгалтерских документов о движении отдельных видов товаров, сопоставление отчетных документов различных торгующих организаций по отдельным операциям.

Этот метод при расследовании по делам о хищениях, выалируемых различными фиктивными документами, как правило, дает положительные результаты, если следователь правильно определяет круг документов и операций, подлежащих анализу.

Однако необходимо иметь в виду, что наряду с исследованием бухгалтерских документов к положительному

результатам расследования хищений в торгующих организациях приводит умелое и правильное использование вещественных доказательств, что часто упускается при расследовании по делам этой категории.

Примером, когда розыск и умелое использование вещественных доказательств дали следствию основные нити к раскрытию крупного хищения в торговой организации, может служить дело работников магазина № 9 пищеторга Ленинского района г. Иркутска, расследование по которому успешно провел старший следователь прокуратуры Иркутской области тов. Рожков.

20 декабря 1950 г. в магазине № 9 Ленинского пищеторга г. Иркутска, которым заведывала Казимира, была произведена инвентаризация товаро-материальных ценностей, в процессе которой был установлен излишек жира свиного 211 кг и жира бараньего 367 кг.

Администрацией пищеторга материалы инвентаризации направлены были в прокуратуру. На первом допросе Казимира показала следователю, что 211 кг свиного и 367 кг бараньего жира доставили ей в магазин неизвестные для нее лица, которым она уплатила стоимость жира из выручки магазина.

Не добыв никаких доказательств, уличающих Казимиру и других лиц в хищении жиров, следователь пригласил эксперта по продовольственным товарам, вместе с ним выехал в магазин, в котором работала Казимира, и там тщательно осмотрел тару, в которой находились жиры.

При осмотре тары на днищах двух деревянных бочек с жирами был обнаружен не полностью сохранившийся трафарет, по которому можно было предполагать, что жиры, обнаруженные в магазине Казимиевой, были изготовлены на Тулунском мясокомбинате. Маркировка, имевшаяся на бочках, указывала наименование жира, сорт, вес брутто и нетто бочек, № 23, 24 и сохранившиеся на одном днище буквы «Тул» и на днище другой бочки буквы — «улунский». На днищах двух бочек были обнаружены слова, написанные химическим карандашом: «масло топля».

Из днищ деревянных бочек была изъята указанная маркировка и приобщена к делу в качестве вещественного доказательства. Далее было установлено, что

10 августа 1950 г. Тулунским мясокомбинатом было отправлено по железной дороге в адрес Иркутского мясокомбината 12 бочек животных жиров, которые от экспедитора Тулунского мясокомбината Зубова принял старший мастер холодильника Иркутского мясокомбината инженер Гарин по накладной № 5 от 10 августа 1950 г. По документам (фактуре и спецификации), имевшимся в бухгалтерии Иркутского мясокомбината, маркировка, изъятая из днищ бочек, в которых находились жиры, полностью совпадала с данными спецификации, составленной работниками Тулунского мясокомбината, по наименованию жира, весу брутто и нетто и номерам бочек. Получение этих жиров подтвердил и Гарин. Таким образом, было установлено, что жиры, оказавшиеся в магазине Казимиrowой, были изготовлены Тулунским мясокомбинатом и 10 августа 1950 г. сданы Иркутскому мясокомбинату.

Бухгалтерии Иркутского мясокомбината было дано задание — установить путем проверки спецификаций на выпуск жиров, когда, через кого и какой организации были выданы жиры, поступившие в холодильник Иркутского мясокомбината с Тулунского мясокомбината. Просмотром спецификаций на отпуске жиров с холодильника мясокомбината устанавливалось, что по документам отпуска этих жиров никому не значится. В наличии их на холодильнике Иркутского мясокомбината также не оказалось.

Эти данные указывали на то, что жиры были похищены с холодильника Иркутского мясокомбината.

Изучив порядок отпуска продукции с мясокомбината, следователь установил, что холодильник мясокомбината производит выдачу жиров и мясопродуктов только через экспедицию мясокомбината, работники которой отпускают продукцию клиентуре. Продукция взвешивается на контрольных весах, сличается с документами и только при соответствии наличия продукции с документамидается разрешение на ее вывоз, а в журнале, находящемся у весовщика-контролера, полностью записываются все данные о вывозимой продукции, как то: номер пропуска, наименование вывозимой продукции, вес брутто и нетто, номер машины, фамилия получателя груза.

Изучая версию о возможности хищения этих жиров

работниками холодильника Иркутского мясокомбината с участием работников клиентуры, следователь установил, что в холодильнике Иркутского мясокомбината арендует три камеры хранения Иркутская база «Маслопрома» и что заведует этими складами некий Дроздов. Допросом свидетелей — работников холодильника — было установлено, что Дроздов в течение всего 1950 года (периода его работы в этих складах) жил явно не по средствам и часто появлялся в нетрезвом состоянии.

При наличии этих данных следователь решил изучить порядок вывоза масла с холодильника Иркутского мясокомбината и установить, какими документами оформляется вывоз. Было выяснено, что в камерах, которыми заведывал Дроздов, хранилось масло «Маслопрома». Путем изучения порядка вывоза и оформления документами вывоза масла следователь установил, что кладовщик Дроздов лично сам выписывал фактуру в трех экземплярах на определенное количество масла, подлежащее вывозу. Один экземпляр фактуры предъявлялся бухгалтерии Иркутского мясокомбината, которая на основании этой фактуры выписывала Дроздову пропуск на вывоз масла, второй экземпляр фактуры он оставлял себе, а третий экземпляр передавался в бухгалтерию базы «Маслопрома».

В процессе расследования было дано задание бухгалтерии Иркутской базы «Маслопрома» и бухгалтерии Иркутского мясокомбината проверить и сообщить, когда, по каким документам и какое количество масла было вывезено Дроздовым с холодильника мясокомбината. Оказалось, что по документам (фактурам и пропускам) Иркутского мясокомбината Дроздовым было вывезено масла больше на 5268,8 кг, чем это значилось по документам Иркутской базы «Маслопрома».

Следователь изымал фактуры и пропуска из бухгалтерии Иркутского мясокомбината, изъял также книги по учету вывозимой продукции с холодильника мясокомбината, произвел их осмотр и приобщил их к делу как вещественное доказательство.

На основании изъятых пропусков, фактур и книг учета вывозимой продукции было установлено количество вывезенных жиров, номера автомашин и фамилии получателей.

Через автоинспекцию были установлены и организации, которым принадлежали автомашины, вывозившие жиры с холодильника мясокомбината, а также и фамилии шоферов, работавших на этих машинах.

Один из шоферов Соловьев на допросе показал, что в феврале 1950 года он вместе с помощником заведующего отделом магазина № 25 Кировско-Свердловского пищеторга г. Иркутска Кофман ездил на холодильник Иркутского мясокомбината, где кладовщик Дроздов выдал Кофман 5 бочек масла общим весом 500 кг. Это масло Соловьев доставил в магазин, где работала Кофман, и получил от нее за это 50 руб.

Шофер Красин также показал, что по просьбе Кофман он ездил вместе с ней, но уже в сентябре 1950 года, на холодильник Иркутского мясокомбината, где кладовщик Дроздов выдал Кофман из камер хранения холодильника шесть бочек масла общим весом 600 кг. Это масло Красин доставил в магазин, где работала Кофман, за это получил от нее 50 руб.

Шофер Дьяконов показал, что в ноябре 1950 года он вместе с Кофман ездил на холодильник Иркутского мясокомбината и там Дроздов выдал ей три бочки масла общим весом 300 кг. Это масло он доставил в магазин, где работала Кофман.

Шофер Иванов показал, что в декабре 1950 года он вместе с заведующим магазином № 36 Стагнеевым ездил на холодильник Иркутского мясокомбината, откуда Дроздов выдал Стагнееву 50 ящиков масла общим весом 1276 кг. Это масло он вместе со Стагнеевым доставил в магазин, которым заведывал Стагнеев.

При наличии таких данных Дроздов был заключен под стражу. Обыск в рабочем столе и квартире Дроздова положительных результатов не дал.

Дроздов при посещении его следователем заявил, что никаких показаний давать не будет до тех пор, пока ему не предоставят свидание с детьми и женой.

Следователь дал согласие на это, заявив Дроздову, что свидание с детьми и женой он предоставит ему в своем кабинете. Для этой цели Дроздова доставили в кабинет следователя, но прежде чем предоставить Дроздову свидание с его детьми и женой, был произведен у него личный обыск, в результате которого в

пустой коробке от папирос были обнаружены две записки следующего содержания:

«Передай Вере П (Кофман) она замешана. Не сознаваться, пусть предупредят шоферов, с которыми ездила, что масло вошли в склад № 1 Павлику (Стагнееву), то же самое 50 ящиков везли в склад № 1 Васе Озеркову пусть показывает, что ничего не знает, выполнял как рабочий все, что заставят. Бочки 4—3—6 везли в склад № 1».

В другой записке было написано:

«Передай Орешиной пусть не сознается».

Дроздов признал, что записи написаны им, но что они означают — он «не знает», так как записи им были будто бы написаны под диктовку кладовщика базы «Маслопрома» Мухамедшина.

На основании показаний свидетелей — шоферов — были истребованы из организаций, где они работали, путевые листы. Во всех путевых листах были указаны маршруты от магазинов, где работали Кофман, Стагнеев и Орешина, до мясокомбината и обратно, причем в получении масла в путевых листах расписывались эти же заведующие магазинами.

Кофман, Стагнеев и Орешина на допросе указали те торговые точки, куда везли жиры, и те камеры холодильника, откуда жиры получали.

На основании этих доказательств были арестованы Кофман, Стагнеев, Орешина.

Будучи изобличена, Кофман показала, что она и Орешина состояли в преступной связи с Дроздовым и Мухамедшиной и что она получила от них в разное время 18 бочек топленого масла общим весом 1800 кг, 42 ящика сливочного масла общим весом 1066,5 кг, что реализацией этого масла занимались продавцы магазина, которые вырученные деньги от реализации масла передавали ей. Показания Кофман подтвердила и Орешина.

Допросом продавцов и лоточников магазина было установлено, что в 1950 году они очень часто получали от Кофман масло, а вырученные деньги сдавали не в кассу магазина, а лично Кофман.

Чтобы скрыть хищение масла по складу, Дроздов, находясь в преступной связи с кладовщиком склада № 1 Иркутской базы «Маслопрома» Мухамедшиной,

каждый раз получал от него на похищенную партию масла приходную фактуру.

Таким путем Дроздовым и Мухамедшиным масло похищалось со склада, которым заведывал Дроздов, а недостача его переносилась на склад, которым заведывал Мухамедшин.

Это подтвердилось тем, что по складу, которым заведывал Дроздов, недостачи масла обнаружено не было, а по складу, которым заведывал Мухамедшин, были обнаружены излишки масла в количестве 2800 кг. Глубокой документальной ревизией было установлено, что в 1950 году по складу, которым заведывал Мухамедшин, было незаконно списано на естественную трату 7500 кг масла, что и повлекло создание резерва для хищения.

Графическая экспертиза подтвердила, что на днищах бочек с жирами, обнаруженных в магазине Казимировой, слова «масло топливо» были написаны Мухамедшиным, а показаниями Мухамедшина было установлено, что жиры, обнаруженные в магазине Казимировой, были похищены с холодильника Иркутского мясокомбината и вывезены под видом масла.

Таким образом, были уличены в крупном систематическом хищении масла и животных жиров заведующие складами базы «Маслопрома» Дроздов и Мухамедшин, заведующий магазином № 36 Стагнеев, его помощница Шипицына, заведующая магазином № 10 Кировско-Свердловского пищеторга Орешина и заведующая отделом магазина № 25 Кофман. Все участники хищений были преданы суду и осуждены по ст. 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества».

Успешному расследованию по этому делу в значительной степени способствовал произведенный следователем осмотр тары, в результате которого были обнаружены вещественные доказательства; правильное использование этих вещественных доказательств дало возможность следователю установить место хищения и причастных к нему лиц. Между тем, следует отметить, что при расследовании по делам о хищениях, совершаемых из торгующих организаций должностными лицами этих организаций, следователи очень редко производят

осмотры и обыски места работы, что является серьезным дефектом, так как обыск в рабочем помещении зачастую дает следствию весьма серьезные доказательства.

* * *

Интерес, с точки зрения ознакомления со способами скрытия хищения и методами расследования, представляет дело группы работников Решетихинского рыбкоопа Горьковской области, расследование по которому провела старший следователь прокуратуры Горьковской области юрист 1-го класса тов. Солянова.

Это дело было возбуждено в связи с тем, что в складе у заведующей одним из ларьков рыбкоопа Рябиковой были обнаружены подготовленные к отправке на базу Главурса металлургической промышленности в г. Москву платки в количестве 1770 штук, с ярлыками, в которых была указана одна цена на всю партию — 121 руб. за платок. В накладной же, по которой оформлены были отправляемые на базу Главурса товары, значились различные, фактически не направлявшиеся товары, в числе которых были также и платки, но цена их была указана не 121 руб. за штуку, как было указано в ярлыках, прикрепленных к подготовленным к отправке платкам, а только 60 руб.

Установив фиктивность накладной, следователь решил проверить, не имеется ли других фиктивных документов и проводок по бухгалтерии рыбкоопа. При изучении следователем совместно с бухгалтером отчетных документов по ларьку, которым заведывала Рябикова, была обнаружена приходная накладная от 19 декабря 1949 г. на получение Рябиковой 520 трикотажных платков на общую сумму 20 836 руб., в том числе 470 платков по цене от 28 до 37 руб. и 30 платков по цене 100 руб.

В то же время по инвентаризационной ведомости товаров по ларьку Рябиковой по состоянию на 1 января 1950 г., т. е. через 11 дней после поступления указанной партии трикотажных платков, значились в наличии 489 платков по цене 100 руб. на общую сумму 48 900 руб., т. е. на 28 064 руб. больше стоимости всех поступивших в ларек платков. Излишков по суммарному учету по ларьку не оказалось. Следовательно,

завышением цен на платки было покрыто хищение других видов товаров или денег.

Далее было установлено, что с 1 января по 1 апреля 1950 г. Рябикова получила 851 платок, а сдала на базу за тот же период времени 723 платка, показав стоимость их на 12 438 руб. больше стоимости всех полученных ею 851 платка.

Аналогичные факты завышения цен с целью покрытия хищений были установлены и по другим магазинам рыбкоопа, которыми заведывали Сурина, Гусев, Шилкин и другие.

Так, в течение 1950 года в магазин, которым заведывал Шилкин, поступили платки в количестве 732 шт. по цене 33 и 36 руб. на сумму 37 250 руб., а отфактуровано из магазина на базу 718 платков по цене 100 руб. на общую сумму 71 800 руб., т. е. на 34 550 руб. больше стоимости всех поступивших в магазин платков, хотя часть их была продана.

Факты сокрытия недостач, образовавшихся в результате хищений, совершенных таким же способом, были установлены также и по другим торговым точкам.

Таким образом, анализ отчетных документов ряда торговых точек рыбкоопа показал, что хищения в них проводились одним и тем же способом, путем завышения цен на различные товары. В связи с этим перед следователем возник вопрос, не имеют ли хищения в различных торговых точках связи между собой и, в частности, не является ли связующим звеном в этих преступлениях, совершенных в различных магазинах, кто-либо из работников рыбкоопа, в систему которого входили все эти торговые точки.

Однако каких-либо существенных доказательств, подтверждающих наличие преступной связи между работниками отдельных торговых точек, в распоряжении следователя не было.

Надо сказать, что это дело было возбуждено органами милиции и поступило в производство следователя спустя продолжительное время после начала расследования по нему, причем до принятия дела следователем Соляновой по нему были произведены многочисленные допросы обвиняемых по делу и у них были произведены обыски. Часто следователи при таком положении считают бесцельным производство повторных обысков.

Однако, как будет видно ниже, такой вывод иногда оказывается ошибочным.

Следователь Солянова решила произвести у обвиняемых повторные обыски, которые дали возможность добыть бесспорные доказательства наличия преступных связей между работниками различных магазинов и участия в хищениях не только работников магазинов, но и работников рыбкоопа.

Касаясь вопроса о производстве обысков по делам о хищении в торгующих организациях, необходимо отметить, что иногда следователи, правильно сосредотачивая свое внимание на отыскании похищенных товаров и ценностей, приобретенных на добывшие преступным путем средства, совершенно неправильно не обращают внимания на другие вещи, не представляющие ценности, но тщательное исследование которых дает в руки следователя важные для дела доказательства.

По описываемому делу при повторном обыске в квартире обвиняемого Гусева следователем были обнаружены и изъяты тетради с черновыми записями сдачи выручки в кассу рыбкоопа и копии пятидневных отчетов по магазину с расписками работников бухгалтерии в приеме от Гусева подлинных отчетов.

Обнаруженные при обыске у Гусева записи и документы были сличены с бухгалтерскими и кассовыми документами. При сличении их было установлено, что некоторые крупные суммы, значащиеся по копиям отчетов, изъятых у Гусева, и по черновым записям в изъятых у него при обыске тетрадях, не проведены по соответствующим подлинным его отчетам, находящимся в бухгалтерии, и не оприходованы по кассе.

Так, в копиях отчетов, изъятых у Гусева за май месяц, значились сдаными в кассу рыбкоопа в разные числа две суммы: 5010 руб. и 5800 руб., причем были указаны и номера кассовых ордеров, по которым эти суммы были сданы в кассу. В соответствующих же подлинных отчетах Гусева, сданных им в бухгалтерию, взнос в кассу указанных выше денежных сумм указан не был, а на эти суммы был увеличен остаток товаров в магазине. Данный факт свидетельствовал об участии в хищении вместе с работниками магазинов кассира орса Буйковой, бухгалтера Карманниковой, которой были переписаны подлинные отчеты Гусева с исключе-

нием из них 5010 руб. и 5800 руб., и председателя рыбкоопа Зверева. Он свидетельствовал также о том, что хищение в системе рыбкоопа совершалось путем изъятия из кассы части выручки, поступающей из торговых точек и, в частности, из магазина, которым заведовал Гусев.

Придя к таким выводам, следователь решил проверить, не осталось ли каких-либо записей или документов в магазине Гусева, который к этому времени был уже арестован. Обыском в магазине в печи было обнаружено пять блокнотов с записями сумм ежедневной выручки и сумм, подготовляемых к сдаче в кассу рыбкоопа, за последние шесть месяцев 1950 года.

Записи в этих блокнотах были сверены с бухгалтерскими и кассовыми документами. Было установлено, что большинство записей в блокнотах совпадает с бухгалтерскими проводками, т. е. записанные в блокнотах суммы выручки были оприходованы по кассе. Однако отдельные суммы, записанные в блокнотах, по кассе оприходованы не были. Так, в блокноте была записана выручка за 25 апреля 1950 г. в сумме 20 090 руб., которая по кассе рыбкоопа оприходована не была. Были обнаружены в блокнотах записи выручки за отдельные числа мая месяца в сумме 5010 руб. и 5800 руб., которые, как указано, также по кассе оприходованы не были. Всего отличием записей в блокнотах с бухгалтерскими документами было установлено неоприходование по кассе рыбкоопа в разное время значительных сумм.

Кассир Буякова, допрошенная в связи с установлением фактов неоприходования по кассе части выручки, поступившей из торговых точек, вынуждена была признать, что из кассы систематически по указанию председателя Зверева тратились различные денежные суммы, которые передавались Звереву и другим участникам хищения. Чтобы скрыть недостачу денег, отдельные суммы выручки, поступившие от торговых точек, не приходовались по кассе.

Таким образом, тщательный анализ и сопоставление бухгалтерских документов, а также обнаружение при обыске различных черновых записей и копий отчетов и правильное использование их в процессе следствия послужили главным источником доказательств, позволивших раскрыть крупное организованное хищение,

установить способы совершения его и круг лиц, принимавших в нем участие.

Оставался один не разрешенный следствием существенный вопрос. Поскольку похищаемая выручка не проходила по отчетам торговых точек, в них должна была быть недостача. Однако по отчетным данным никакой недостачи не отмечалось. Каким же образом скрывались недостачи в торговых точках, образовавшиеся в результате хищений?

Как указывалось выше, частично эти недостачи уваливались путем завышения цен на отдельные товары: на платки, одеяла и др., однако вся сумма, на которую завышались цены на некоторые товары, далеко не покрывала всю сумму недостачи. Следовательно, хищение скрывалось, кроме завышения цен, еще каким-то другим способом.

При сличении отчетных документов по отдельным торговым точкам внимание следователя и бухгалтера, производившего ревизию, привлекли довольно многочисленные случаи переброски товаров из одной торговой точки в другую. При этом в некоторых случаях такая переброска товаров не только не вызывалась никакой необходимости, но являлась бессмысленной.

Так, на ларек Рябиковой 6 апреля 1950 г. было отфактуировано из магазина, которым заведывала Сурина, 67 платков по цене 100 руб. на сумму 6700 руб., хотя в ларьке Рябиковой значилось в остатке большое количество платков, значительную часть которых Рябикова возвращала на базу за невозможностью реализовать их через ларек.

По магазину, которым заведывала Сурина, было установлено, что по приходу платков значится меньше, чем списано в расход как отфактурованные в ларек Рябиковой и на базу рыбкоопа.

У кассира Масликовой оказалась расписка заведующего магазином Гусева в получении им из кассы 50 тыс. руб., в то время как Гусев ежедневно сдавал в кассу крупные суммы денег, вырученные от продажи товаров в магазине.

Был обнаружен ряд других подобных операций, не вызывавшихся необходимостью, являвшихся явно нецелесообразными и поэтому вызывавших серьезные сомнения в действительном проведении их.

Все эти вызывавшие сомнение операции были проверены путем тщательного допроса причастных к ним лиц. Было установлено, что недостачи, образовавшиеся в результате хищений денежных средств из выручки магазинов, скрывались, помимо завышения цен на отдельные товары, также путем фиктивной отфактуровки товаров на похищенную сумму из торговой точки, за счет которой похищались деньги, на ларек Рябиковой.

Таким образом, устанавливалось, что в системе рыбкоопа совершило организованное хищение товаров и денег на крупную сумму, в котором принимали участие председатель правления рыбкоопа Зверев, заведующие ларьками и магазинами Гусев, Рябикова, Сурина, Шилкин и др., кассиры рыбкоопа Буякова и Масликова, заведующие базой Петров и Клинов, заместитель главного бухгалтера Карманникова и др.

Хищение совершалось путем изъятия части выручки, поступавшей из торговых точек в магазины. Недостачи, образовавшиеся вследствие неоприходования по кассе части поступавшей от магазинов выручки, скрывались частично путем завышения цен на некоторые товары (платки, одеяла и др.) и частично путем фиктивного отфактурования товаров на сумму похищенной выручки на ларек Рябиковой, а также путем выписывания бесстоварных накладных. Образовавшуюся в результате этих операций недостачу товаров по ларьку Рябиковой предполагалось завуалировать путем фиктивного отфактурования товаров на эту сумму как отправленных на базу Главурса в Москву. Явное несоответствие количества товаров, значившихся в накладной как отправляемые в Москву, фактическому наличию подготовленных к отправке товаров повлекло вмешательство следственных органов и послужило основанием к возбуждению настоящего дела.

Все участники хищений были приговорены по ст. 4 Указа от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» к разным срокам лишения свободы.

* * *

Практика следственной работы показывает, что иногда нити к раскрытию хищений в торгующих организациях дает не только тщательный анализ первичных

бухгалтерских документов, но и сличение встречных документов, что наглядно показано в приведенных выше примерах.

В некоторых случаях внимательное изучение баланса торгового предприятия с анализом по существу содержания отдельных его статей также приводит в конечном результате к раскрытию хищений, как это имело место по делу о хищении в магазине № 29 Первого челябинского горпищеторга, следствие по которому вели старший следователь прокуратуры г. Челябинска юрист 2-го класса тов. Прилепский.

Главный бухгалтер управления местными торгами города Челябинска, изучая баланс Первого челябинского горпищеторга на 1 сентября 1950 г., обратил внимание на огромные остатки тары и малооценного инвентаря, явно не оправдывавшиеся хозяйственной деятельностью.

В связи с этим Первому горпищеторгу было предложено проверить причины такого ненормального явления и принять меры к реализации излишков тары и малооценного инвентаря.

Получив это предписание, главный бухгалтер Первого горпищеторга просмотрел балансы отдельных балансовых единиц и не установил несоответствия между остатками товаров, тары и малооценного инвентаря ни по одной единице, кроме единицы № 5, на балансе которой значились крупные остатки тары и малооценного инвентаря.

Старшему бухгалтеру балансовой единицы № 5 Бухачевой было предложено представить расшифровку к балансу. Такую расшифровку Бухачева представить не смогла и вынуждена была заявить, что за большими остатками тары и малооценного инвентаря ею длительное время скрывалась растрата по магазину № 29, который входил вместе с четырьмя другими магазинами в состав балансовой единицы № 5.

В связи с таким заявлением Бухачевой была назначена тщательная документальная ревизия по магазину № 29.

Ревизия производилась в присутствии директора магазина Алексеевской и бухгалтера Бухачевой по отдельным периодам, соответствовавшим времени проводившихся ранее инвентаризаций. О результатах реви-

зии каждого в отдельности периода между инвентаризациями составлялся отдельный акт, который подписывался, кроме ревизоров, Алексеевской и Бухачевой. Последней в процессе ревизии была предоставлена возможность проверить лично каждый документ и бухгалтерскую запись.

Впоследствии на основании отдельных актов по инвентаризационным периодам и материалов к ним был составлен сводный акт, в котором были отражены результаты ревизии за весь период работы Алексеевской и Бухачевой.

В результате ревизии было установлено, что во время инвентаризации, производившейся 26 ноября 1947 г. по магазину № 29, была значительная недостача товаров и тары.

На 16 декабря 1947 г., т. е. в момент денежной реформы, по документам отмечено наличие крупных денежных сумм, значительно превышающих поступление денег в магазин в обычное время, в связи с чем по магазину образовался излишек.

При следующей же инвентаризации 6 февраля 1948 г. вновь имела место крупная недостача по товарам. Это обстоятельство свидетельствовало о том, что при проведении денежной реформы в кассу магазина были вложены крупные суммы денег знаками старого образца, которые впоследствии были изъяты из кассы денежными знаками нового образца.

В дальнейшем ревизией было установлено, что размер недостачи по магазину при каждой последующей инвентаризации увеличивался и достиг к моменту ревизии на 20 октября очень крупной суммы как по товарам, так и по таре.

Ревизией также было установлено, что эти крупные недостачи скрывались на протяжении нескольких лет путем различных фиктивных бухгалтерских проводок.

Так, Бухачева в начале своей преступной деятельности изымала из отчетов за прошлое время отдельные документы и вторично проводила их по отчетам магазина за более поздние периоды, исправляя иногда даты этих документов. Некоторые же документы проводились таким образом вторично даже без исправления дат. Таким путем занижался остаток товаров на день инвентари-

зации, чему способствовало нарушение инструкции о порядке проведения инвентаризации. Это нарушение заключалось в том, что инвентаризации часто начинались со снятия фактического остатка товаров, а не с получения комиссией данных о наличии товаров по бухгалтерским записям. Это давало возможность путем фиктивных проводок к концу инвентаризации привести бухгалтерские записи в соответствие с фактическим наличием товаро-материальных ценностей, установленным инвентаризацией.

Часть расхищенных сумм списывалась по фиктивным документам, составлявшимся Алексеевской. Кроме того, по товарным отчетам увеличивались и исправлялись итоги, чем запутывался учет по магазину.

Позднее, когда сумма хищений достигла значительных размеров и скрывать образовавшуюся в результате хищений недостачу указанными выше способами стало невозможно, Бухачева стала относить расхищенные суммы на счет тары, на счет товаров и на счет малооцененного инвентаря.

Эти суммы значительно превышали действительное наличие ценностей по счетам товаров, тары и малооцененного инвентаря.

Одновременно следствием было установлено, что Алексеевская и Бухачева уносили ежедневно из магазина значительное количество товаров, брали из выручки деньги, вели образ жизни далеко не по средствам.

Такое крупное хищение, совершившееся на протяжении нескольких лет, стало возможным вследствие того, что бухгалтер-ревизор торга Сухачев находился в преступном сговоре с Алексеевской и Бухачевой и при ревизиях магазина № 29 составлял фиктивные акты, в которых скрывалось действительное состояние учета товаро-материальных ценностей в магазине.

Кроме того, директор и главный бухгалтер торга преступно халатно относились к своим обязанностям, не внимая в содержание отчетных данных по магазину № 29, не реагировали на рост нереальных остатков по отдельным статьям баланса, допускали производство ряда инвентаризаций магазина одними и теми же лицами, вопреки действующей инструкции Министерства торговли, не принимали мер к упорядочению учета товаро-материальных ценностей.

В связи с этим, директор и главный бухгалтер торга были привлечены за попустительство расхитителям социалистической собственности к уголовной ответственности вместе с другими работниками торга, причастными к этому делу.

Все привлеченные осуждены судом к разным мерам наказания.

* * *

Описанные выше дела из практики следователей прокуратуры РСФСР наглядно свидетельствуют о том, что правильно организованная следователем работа по изучению и анализу бухгалтерских документов дает весьма важные доказательства по делам о хищениях в торгующих организациях, зачастую предопределяющие весь дальнейший ход следствия. Эффективность этой работы в значительной мере зависит от инициативы и активности следователя, который с учетом конкретных обстоятельств дела должен правильно определить группу документов и операций, подлежащих бухгалтерскому анализу в процессе ревизии или экспертизы, а также вопросов, на которые должно быть обращено особое внимание. При этом необходима повседневная связь с бухгалтером-ревизором или экспертом, непосредственное ознакомление следователя с отдельными документами, по-вседневное руководство этой работой, соответствующее направление ее с учетом новых данных, добываемых в ходе расследования.

Совершенно неправильно поступают следователи, полностью передоверяющие всю работу по ревизионной или экспертной проверке соответствующему специалисту, устраниющиеся от этой работы и пассивно ожидающие акта ревизии или заключения эксперта. Опыт показывает, что в таких случаях результаты проведенной работы значительно менее эффективны, а в некоторых случаях оказываются вообще неудовлетворительными, что влечет за собой назначение повторной ревизии или экспертизы.

Кроме того, уделяя в процессе расследования внимание работе с бухгалтерскими документами, не следует забывать и о вещественных доказательствах, в частно-

сти о различных черновых записях, копиях документов, которые, как видно из приведенных дел о хищении масла работниками торговых организаций пищеторга в г. Иркутске или о хищении в Решетихинском рыбкоопе, при инициативном розыске их следователем и правильном использовании в процессе следствия, оказывают иногда решающее влияние на результаты расследования.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Особенности расследования хищений в торговой сети	3
Тщательное изучение бухгалтерских документов помогло вскрыть завуалированные хищения — П. А. Бу дрис	15
Значение выявления способов хищений, совершенных шайкой преступников — С. М. Файнберг	20
Сличение разных экземпляров одних и тех же бухгалтерских документов как один из способов раскрытия хищений — А. Я. Недосекин	30
Расследование хищений, сокрытых фиктивными азизо — Е. Л. Кальманович	36
Изучение причин недостачи обеспечило раскрытие хищения — А. А. Калинин	47
Важность выявления всех соучастников преступления — А. А. Агавелян	51
Своевременно проведенные обыски помогли раскрыть преступление — Р. В. Эльяс	59
Как была раскрыта симуляция кражи — И. И. Ковтун . .	64
Исследование следов покрышек автомашины способствовало раскрытию хищения — Д. Г. Погребной	73
Необходимость тщательного исследования всех версий хищения — А. И. Евтушенко	79
Хищение денег с использованием кассового аппарата — Ю. Б. Пальма	89

134

Расследование хищений в системе сельпо — Ф. А. Берестовский 96

Установление способа сбыта похищенного — важная задача следователя — И. Н. Зыков 103

Работа с документами и вещественными доказательствами при расследовании хищений в торгующих организациях (по материалам следственного отдела Прокуратуры РСФСР) 107

В настоящем выпуске «Следственной практики»
25 иллюстраций

Редактор С. Л. Либерман
Технический редактор Е. В. Мулин

Сдано в набор 15/VII 1952 г.
Подписано к печати 13/IX 1952 г.
А06818, Бумага 84×108^{1/2}—2,13 бум. л.
Печ. л. 7, Уч.-изд. л. 6,91. Тираж 8500
Зак. 561

Бесплатно рассыпается по списку

*
20-я типография «Союзполиграфпрома»
Главполиграфиздага
при Совете Министров СССР,
Москва, Ново-Алексеевская, 52.